

Испить чашу до дна

Автор:

Евгения Михайлова

Испить чашу до дна

Евгения Михайлова

Детектив-событиеЧастный детектив Сергей Кольцов

Когда-то Лиля разрушила жизнь Ильи. Она разорвала помолвку и ушла к его брату. После гибели Андрея Лиля вернулась к Илье, но ей не давала покоя одна мысль – ее первый муж жив, просто попал в беду...

Илья был обречен на эту женщину. Когда она осталась одна, он без колебаний бросился ей на помощь. Вместе с ней он начал искать Андрея, не думая о том, чем для него обернется возвращение брата...

Частный детектив Сергей Кольцов не верил, что Андрей Семенов мог остаться жив. Но почему тогда убили его давнюю поклонницу Валерию, гибель которой Сергей сейчас расследовал? Возможно, она знала о Семенове больше остальных...

Обещание легко дать, но трудно выполнить... Ведь порой невозможно удержать чувства под властью разума...

Евгения Михайлова

Испить чашу до дна

Все события и действующие лица романа вымышленные

Часть первая

Глава 1

Серое влажное утро. Тяжелый воздух липнет к земле. Утро не дышит из-за не пролившихся за ночь слез. Лиля выпустила из рук плотную штору, и она закрыла кусочек окна, сквозь который Лиля смотрела на мир. На странный, неузнаваемый, не узнающий ее мир. Без него.

Лиля включила верхний свет в спальне, сняла длинную ночную рубашку из легкого шелка, бросила ее на широкую кровать. Муж Илья говорит, что рубашку темно-фиолетового цвета могла купить только женщина, уверенная в том, что ей идет абсолютно все. Лиле нравится этот цвет, эта рубашка, и ей идет и правда все. Она подошла к зеркалу во всю стену и строго, придирчиво рассмотрела свое отражение. Как странно. Она засыпает на рассвете, сразу проваливается в один и тот же кошмар, просыпается в испарине, в горячечной тоске. Сворачивается в клубок, старается дышать ровно и притворяется спящей, пока Илья не уйдет на работу. Только когда хлопнет входная дверь, она открывает глаза, встает, смотрит в окно, затем подходит к зеркалу. И всякий раз готова увидеть изможденное, сожженное мукой лицо старухи, тело калеки, по которому жизнь проехала катком... А видит все то же молодое и красивое лицо: правильный, нежный овал, карие бархатные глаза, полные, яркие губы, тело, как у античной статуи, без единого пятнышка и волоска, округлые бедра, полная грудь, плоский живот... Он не увеличился? Еще как будто не должен... Да, ей видимо повезло. В одном. Она даже не ухаживает за собой, как положено, просто «носит» аккуратно свою внешность. Как одежду, которая никогда не выглядит поношенной, сколько бы раз ее ни надевала. Внешность и есть одежда человеческой сути.

Лиля провела обеими руками по волосам, подняла их над гладким лбом и вновь услышала голос матери, как будто кто-то каждое утро нажимал кнопку диктофона в ее мозгу: «Будь проклята твоя красота! Из-за нее ты отказалась поступать в институт, из-за нее у тебя нет нормальной профессии, из-за нее у тебя нет нормальной семьи, как у других женщин. У тебя все не так! Мне

сказали, что я умру, если рожу тебя. Но мы так хотели ребенка... Я была готова умереть, чтобы дать тебе жизнь. Я не думала, что увижу свою дочь в таком несчастье...»

Мама осеклась, заплакала, не сказала страшных слов о том, что Лиле лучше было не родиться. То есть она их почти сказала тогда. И сейчас сердце Лили забилось гулко, больно. Тогда она хотела выбежать из комнаты, чтобы не слышать больше ничего, но не смогла. Ноги отказались идти. И так продолжалось два месяца. К ним ходили врачи, ее куда-то возили на обследование, не могли поставить диагноз! Она целыми днями лежала на мокрой от слез подушке, а мама бегала, нервничала, пила сердечные капли, пыталась чем-то ее накормить, уводила из спальни дочку Вику, чтобы та не видела Лилю в таком состоянии.

Все изменилось, когда пришел Илья и сказал, что останется с Лилей навсегда. Что она поправится, встанет, и все у них будет хорошо. А пока лучше Вике пожить у Лилиной матери. И всем успокоиться. Других вариантов нет. Они послушались. Он, как всегда, оказался прав. Чего это ему стоило, знает только он один. Илья на месяц оставил фирму, он навсегда оставил свою семью. Когда Лиля встала, они зарегистрировали брак. С первой женой брак был гражданским. Это оказалось единственным импульсивным поступком в жизни очень разумного, логичного, уравновешенного Ильи. Потеряв однажды все, как ему казалось, он хотел хоть кому-то быть полезным... Восемь лет назад он праздновал помолвку с двадцатилетней красавицей Лилей. Все было на высшем уровне. Лиля в длинном синем платье с глубоким декольте чувствовала себя замужней дамой и уже почти «как за каменной стеной». Илья – на десять лет старше – идеально ее оттенял. Все восхищались прекрасной парой. В разгар вечера в квартире появился младший брат Ильи – Андрей. Он вернулся из-за границы, где бросил очередной университет. Он был путешественник, путаник, охотник за счастьем, и невероятно хорош собой. Они с Лилей сошли с ума оба в одну минуту. И ушли с той помолвки вместе, разбив сердца Илье, родителям... Лиля и Андрей поженились без всяких помолвок. Когда у них родилась девочка, Илья решил и свою судьбу: он стал жить с вдовой погибшего друга, которая осталась одна с тремя детьми.

Полгода назад Лиля осталась без Андрея, перестала ходить, не хотела жить. Илья занял свое место рядом с ней. Разумеется, теперь он содержал две семьи. Да, у них с Лилей – настоящая семья. Илья терпеливо ждал, пока она сама скажет, что он ей нужен не только как нянька, помощник, близкий родственник,

но и как муж. Они оба не сомневались в том, что она забеременела в первую же их ночь. Так было и с Андреем.

Лиля прижала руку к животу. Это девочка, она точно знает. Она почувствовала ее в первые недели. И сразу сказала Илье:

– У нас по маминой линии рождаются только девочки. У мамы, у бабушки, прабабушки. Но, главное, я чувствую, что это наша дочка. Как с Викой. С мальчишкой было бы иначе. Я даже не буду делать лишний раз УЗИ, беспокоить ее.

– Конечно, – ответил Илья. – Я не сомневаюсь, что ты права. Ты так последовательна во всем.

Доченька живет в ней уже два месяца. Они с Викторией станут друг другу и родными и двоюродными сестрами. Лиля всегда будет любить Илью, она будет скрывать от него, как рвется и тоскует ее душа по Андрею.

– Боже мой, – сжимает она руки. – Где ты? Как ты мог меня оставить? Я к тебе приросла. Ты не имел права погибнуть. Если ты погиб...

Глава 2

Она вышла из ванной в черном махровом халате, сварила себе кофе, после первой чашки в груди потеплело, она оглянулась и подумала о том, что надо, наконец, выйти из дома и купить что-то яркое на кухню. Вазу для фруктов, например, забавную картину на стену, новый плед на диван. Потом позвонила маме и сказала, что после зимних каникул Вике лучше вернуться домой. Мама явно загрустила.

– Ну, тогда переезжайте к нам вместе. Действительно: что тебе сидеть там одной.

– Время еще есть, подумаем, – примирительно сказала Ирина Викторовна. Понятно, ей хорошо с внучкой и она боится что-либо менять после того, что они

все пережили.

Лиля вошла в гостиную, села перед журнальным столиком, на котором стояли фотографии в серебряных рамках. Вот ее любимая: молодые родители, между ними она, серьезная, сосредоточенная, с огромной куклой Зоей. Лиля не выпускала ее из рук, даже когда пошла в школу. Она взяла фото и прижала его к губам. Тогда они были счастливы. Мама родила ее, действительно рискуя своей жизнью. У Ирины Викторовны тяжелый порок сердца, она пролежала на сохранении практически все девять месяцев. Ее наблюдал очень опытный врач, он присутствовал при родах и сказал ей:

- Ирочка, все получилось. Ты справилась и родила красавицу. Девочка - просто цветок.

- Лилия, - прошептала мама.

А папа никогда не болел. Когда сбылась их с женой мечта - родилась дочка, да еще такая удачная, - он хватался за все. Работал без выходных и отпусков. Он хотел сделать Лилю счастливой, чтобы она ни в чем не нуждалась, чтобы замуж вышла по любви и не зависела от мужа. Эту квартиру он подарил дочери на восемнадцатилетие. Вскоре из армии поклонников Лиля выделила Илью, который нравился родителям не меньше, чем ей самой. А через два года она внезапно вышла замуж за Андрея, брата Ильи. Их безумная страсть почему-то была не слишком похожа на безмятежное счастье, о котором мечтали для Лили родители. К тому же они очень переживали из-за Ильи. Но отец продолжал работать, почти исступленно. Теперь он старался всем обеспечить не только дочь, но и внучку. Ему не было сорока семи, когда он, въехав во двор своего дома, не вышел из машины. Ирина Викторовна, которая, как всегда, смотрела в окно, ожидая его, выбежала на улицу. Дверцу машины пришлось вскрывать. Муж был мертв. Загнал себя.

- Бедный мой папочка, - у Лили дрогнул подбородок, повлажнили глаза. Она считала себя виновной в его смерти. В том, что жизнь ее родителей очень быстро перестала быть похожей на сказку с девочкой-цветком.

Лиля помнила себя очень рано. У нее был чудесный характер, спокойный и доброжелательный. Мама, преподаватель математики, оставила работу, чтобы все время посвящать ребенку, и очень умело развивала ее способности. Папа,

человек с широким кругозором, открывал для дочки мир, как будто между ними не существовало разницы в возрасте, в опыте. Лиля в школе стала отличницей, ее любили учителя, к ней тянулись одноклассники, она была интеллигентной, демократичной и скромной. Мама задолго до окончания школы стала выбирать для нее институт, профессию: «МГУ? Мед? А может, ВГИК?..» Лиля со всем соглашалась. Но однажды ее остановил на улице человек, оказавшийся известным художником. Она тогда закончила седьмой класс. Он предложил ей позировать для одной работы, пришел к ним домой, поговорил с родителями, пригласил их в мастерскую. Они отнеслись к его предложению как к эпизоду. Лилю постоянно куда-то приглашали: то сниматься в детском кино, то в телепередаче. Ирина Викторовна сказала:

– Ну, как хочешь. Если тебе это интересно. Художник действительно хороший. Но это тяжелая работа. И я, конечно, буду ходить с тобой.

Картину купил зарубежный музей. Потом была другая картина, другие художники. Вскоре Лиля поняла, что это занятие стало серьезной частью ее жизни. Она помогала появиться на свет другим девочкам, девушкам, женщинам... Они были похожи на нее, но все – со своей судьбой, своим счастьем или несчастьем. Она всегда внимательно выслушивала замысел будущего полотна, научилась работать на этот замысел. И после выпускного вечера спокойно сказала маме:

– Я не буду никуда поступать. У меня уже есть профессия.

Возможно, для родителей это было катастрофой. Но они приняли ее решение. У каждого – свой талант и свое призвание. Деньги за работу она стала брать только после восемнадцати лет. Когда она вышла замуж за Андрея, самостоятельный заработок ей очень пригодился. Андрей был человеком горячих идей и страстей. Мог увлечься серьезным проектом, заработать большие деньги, мог спустить их за пару дней на скачках или в казино. Мог разочароваться в деле и месяцами читать редкие книги по истории, логике, философии... Лиля никогда не протестовала, но бреши в семейном бюджете старалась скрывать от родителей, заполнять собственным заработком.

Кстати, ей вчера звонил один художник, спросил, не собирается ли она вернуться к работе. Она обещала. Вдруг ей очень захотелось погрузиться в атмосферу мастерской, где пахнет краской, где валяются наброски, скрывающие до поры тайну... И она там нужна, от нее многое зависит... Лиле стало почти

хорошо. Возможно, она выбирается из своего провала, возможно, наступит спокойная и ясная жизнь... Илья, мама, Вика... Она обязательно познакомится с бывшей женой Ильи, ее детьми. Они будут дружить, помогать друг другу. Лиля протянула руку к мобильному телефону, чтобы позвонить Илье. Она почти никогда не звонила ему сама. А сейчас... Сейчас он сразу поймет, что в ней все изменилось, повернулось к жизни...

Но она не успела. Зазвонил домашний телефон. Совершенно незнакомый голос спросил:

- Лилия Александровна? Добрый день. Вас беспокоит следователь отдела убийств Вячеслав Михайлович Земцов. Вы не могли бы к нам подъехать?

- Что случилось?

- Убита Валерия Осипова. Вы были знакомы?

- Я видела ее два раза.

- Давайте поговорим об этом не по телефону.

- Но что я могу сказать?..

- Что сможете, то и скажете. Это обычная практика. Мы опрашиваем всех знакомых. Запишите, пожалуйста, адрес. Когда вы могли бы приехать?

- Сегодня.

Глава 3

Илья три раза возвращал на доработку проект детского спортивно-развлекательного комплекса. Сейчас он внимательно рассматривал четвертый вариант, пытаясь в уме выстроить замечания так, чтобы они, наконец, были поняты. Архитекторы смотрели на него довольно грустно. Илья поднял глаза и

улыбнулся.

– Мы немного продвинулись вперед. Но мне кажется, что в этой работе была допущена ошибка в самом начале. Прошу не воспринимать то, что я скажу, как попытку кого-то обидеть. Но, друзья, вы точно видели детей? Представляете, какого они размера, какие у них привычки, как их требуется обезопасить от самих себя? Ну, вот эти ступени, этот зал, вполне интересный с архитектурной точки зрения, эта пирамида – однозначно эксклюзивная, – разве нормальный взрослый человек отпустит сюда ребенка младшего школьного возраста? А комплекс рассчитан и на дошкольников. Как отец скажу: ни-ког-да! У меня такое предложение. Взять тайм-аут. Походите по детским площадкам, спортивным залам в школах и садах, посмотрите, как ведут себя детишки, как падают, как играют. Давайте вернемся к проекту через неделю. Время есть. Извините, я отвечаю, это жена звонит... Да, Лиля. Что? Я не понял. Подожди минуту. Я тебе перезвоню, – он не сразу смог переключиться. – Все свободны. У меня серьезный разговор с женой, прошу прощения.

Когда сотрудники вышли, Илья закурил, пытаюсь успокоиться. Хотя покой и Лиля – для него вещи несовместимые. Он ничего не понял из того, что она сказала, кроме одного: случилась очередная большая неприятность. Он набрал ее номер.

– Лиля, у меня было совещание, я, наверное, чего-то не понял. Кого вызывают в отдел убийств?

– Меня, Илюша.

– Ты действительно знала женщину, которую убили?

– Давай я к тебе заеду и все объясню.

Она вошла в его кабинет через час. Сбросила на спинку стула черное пальто на искусственном леопардовом меху – Лиля не носила шкуры убитых животных, – села перед ним ровно, как школьница на уроке. Лицо бледное, взгляд беспокойный.

– Ты только не волнуйся, – быстро сказал Илья. – Дело в том, что по любому убийству опрашивают множество случайных людей. Кто-то назвал тебя в числе ее знакомых, поэтому тебя вызвали.

– Я понимаю. Просто я не успела тебе рассказать. Или даже не хотела... Валерия Осипова – дочь декана института, где пару лет учился Андрей. Они встречались, он сам мне рассказал. Это было еще до нашей с ним встречи. Потом... В общем, недавно, примерно год назад, мне сказали, что их видели вместе. Я ничего у него не спрашивала. Он вскоре должен был лететь в Канаду от фирмы, где в последнее время работал. Сказал, что рейс днем, не нужно его провожать. Но мне очень захотелось... сюрприз ему сделать. Потом я поняла, что таких сюрпризов мужьям делать нельзя. Я вошла в зал в тот момент, когда к Андрею подошла женщина... Они обнялись. Я плохо ее рассмотрела. Тут же ушла. Дома нашла по Интернету фото Валерии Осиповой в социальных сетях.

– И это все?

– Нет. Ты знаешь, как погиб Андрей. Мы поехали в мае, как всегда, в Киев, он очень любил цветущие каштаны, Днепр...

– Лиля, зачем ты это рассказываешь? Я знаю, как утонул мой брат. Он решил переплыть Днепр, была холодная вода...

– Да. Мы с Викой ждали его на берегу четыре часа. Потом появились спасатели... Я плохо все помню... Они не нашли его ни в тот день, ни потом. Искали долго. Мы жили там две недели. Папа приехал... Всех поднял на ноги.

– Лиля, я знаю.

– Ты не знаешь, о чем я тогда подумала. Я подумала, что он не мог утонуть. Он отлично плавал, для него это не расстояние. Была нормальная погода. И потом: его бы нашли. Я решила, что он меня бросил. Переплыл на другой берег, там могла быть приготовлена другая одежда, документы... он мог куда-то уехать с ней.

– Что дальше?

– Дальше я болела, как ты помнишь, не могла ходить... А потом... Я стала искать Валерию: есть ли она в Москве. Нашла в «Одноклассниках». Она писала, что работает в лаборатории диагностического центра, не замужем. По фамилии я нашла домашний телефон, по нему – адрес, приехала к ней. Мы разговаривали. Я

спрашивала, где Андрей. Мне кажется, я кричала на нее.

- Ты не помнишь, что говорила?

- Нет. Не помню. Это был кошмар. После этого мне каждую ночь снится, как он выходит из воды, она бежит к нему, потом... Потом они иногда пытаются утопить меня. Иногда я пытаюсь задушить ее. Недавно мне приснилось, как они уводят от меня Вику.

- Тебе это снится каждую ночь?! Рядом со мной?

- Да, дорогой. Как я могла тебе такое рассказать.

- Тебя кто-нибудь видел? В квартире кто-то был?

- Квартира большая. Я помню только, что требовала, чтобы она меня провела по всем комнатам. Она возмущалась, даже смеялась... Или мне показалось. Я не знаю, был ли там кто-то еще. Я была как безумная. Я считала, что там Андрей.

- Лиля, ты сказала, что кричала. Ты могла ей угрожать?

- Я ее проклинала, думаю... Но я не вспомню точных слов.

- Мы поедем к следователю вместе. Ты сейчас в возбужденном состоянии, тебе все кажется страшно драматичным. А вопрос у следователя к тебе, скорее всего, самый формальный. Просто кто-то сказал, что ты к ней приезжала. Наверное, в квартире кто-то был.

- Да, думаю, кто-то сообщил. Иначе как бы они узнали.

- И больше ты с ней не виделась?

- Нет.

Глава 4

Илья прохаживался по коридору у кабинета следователя: элегантный, худощавый, лицо интеллигентное, – такой человек мог оказаться в отделе по расследованию убийств только случайно, буквально на минуту... Он ходил по этому коридору уже час. Сидеть было еще тяжелее. У него горел лоб, а сердце как будто обледенело. Пришла беда. Чем дольше Лиля не выходила из этого кабинета, тем меньше оставалось надежд на то, что все окажется формальностью, они уйдут и постараются забыть о чужом несчастье.

Лиля вышла, обессиленно опустилась на стул.

– Он сказал, что ты можешь войти.

– Как вы поговорили?

– Мне показалось, плохо, – Лиля измученно улыбнулась. – Я все рассказала, потом прочитала то, что записано с моих слов... Какой-то ужас получился.

– Лиля, ты говорила о своей беде, и это не могло тебе самой показаться веселой историей. Следователь каждый день выслушивает десятки подобных исповедей.

– Сомневаюсь, – шепнула Лиля. – Ну, ты иди. Я подожду.

Илья решительно вошел в кабинет, поздоровался, представился, какое-то время они с Земцовым внимательно смотрели друг на друга.

– Садитесь, Илья Кириллович, – сказал Слава. – Ваша жена сказала, вы хотели что-то сказать. У вас есть какие-то соображения, дополнения? Вы знали Валерию Осипову?

– Господь с вами. Я услышал это имя сегодня от Лили. Я понятия не имел о том, что Андрей был с ней знаком, что Лиля к ней приходила... Лиля не уверена в гибели Андрея. Я пришел к вам за советом и разъяснениями. Насколько это все серьезно, с вашей точки зрения? Жена все драматизирует, но вы же понимаете...

- Илья... Можно без отчества? Мы с вами говорим без протокола, я стараюсь не держать в голове лишнюю информацию.

- Да, конечно.

- Так вот. Мне пока понимать нечего. У меня еще нет улик - ни прямых, ни косвенных, не очерчен круг подозреваемых. Из свидетелей... Есть один серьезный свидетель - отец погибшей. И он заявил, что ваша жена была у них в квартире в конце октября. То есть чуть больше месяца назад. Он не выходил из своего кабинета, но разговор слышал. Вернее ссору. Лилия обвиняла его дочь в том, что та пыталась отбить у нее мужа, говорила, что он не погиб, якобы Валерия его где-то прячет. Отец заявил, что она угрожала, приводил ее слова: «Люди всегда отвечают за свои преступления».

- Вы считаете, это угроза?

- Отец Осиповой так считает. У него крайне негативное отношение к вашему брату. Он заявил, что Андрей сделал его дочь несчастной. В общем, он допускает причастность вашей семьи... Других врагов, соперниц у его дочери не было.

- Как она погибла?

- Они живут на семнадцатом этаже восемнадцатипятиэтажного дома. Валерия много курила. У матери астма, поэтому она выходила на площадку между своим и верхним этажом. Там почти всегда открыто окно с широким подоконником, она на нем сидела. Там же стояла ее пепельница. Валерию столкнули.

- Она не могла упасть нечаянно или покончить жизнь самоубийством?

- Экспертиза еще не пришла, но, по мнению эксперта, Осипову столкнули. Ускорение, угол падения, она однозначно сопротивлялась: на подоконнике остались следы ее крови - ногти оказались сорванными на нескольких пальцах.

- Полагаю, вы уже выяснили, что у Лили на это время есть алиби?

- На какое время? Разве я назвал время?

– Не надо меня так наивно ловить. Вы не назвали, я не спрашивал. У Лили на любое время есть алиби. Она практически не выходит из дома. За последний месяц сегодня точно вышла первый раз. Это легко проверить. У нас много праздных и внимательных соседей. Консьержка, опять же, активная.

– Если бы я строил версию в отношении вашей жены, то это скорее была бы версия заказа или чьей-то услуги, мести за нее... Но я этого не делаю на данном этапе.

Илья вытер пот со лба.

– Вячеслав Михайлович, я понимаю, что вы разберетесь во всем сами, но я просто не могу бездействовать в такой ситуации. Лиля столько пережила, она ждет ребенка, ей нельзя волноваться. Как вы думаете, может, мне нанять адвоката?

– Пока ему нечего будет делать. Я никому не предъявил обвинения.

– Но ждать этого... Согласитесь...

– Можно узнать, в чем бы вы хотели участвовать?

– Ну, кто ж меня допустит. Но я скажу. Я хотел бы во всем разобраться сам. И в том, что, возможно, неважно для вас. Например, Лилия сказала сегодня, что не верит в гибель моего брата. Я сейчас ждал ее в коридоре, думал... Действительно странно. Разве бывает, чтобы не нашли тела утонувшего человека?

– Так бывает очень часто. Тем более такой заплыв: через Днепр. То есть наоборот: шансов найти его было мало.

– Да, я не то, наверное, сказал. Просто брат был физически удивительно сильным человеком, опытным пловцом. Короче, вы не знаете, к кому бы я мог обратиться за помощью в получении или проверке информации? Не сейчас, но на всякий случай...

– Ну, есть один частный детектив, который иногда помогает нам в получении информации. Возможно, будет помогать и в этом деле. Сергей Кольцов.

– Я могу к нему обратиться с вашей рекомендацией?

– Вы можете к нему обратиться, вот его карточка. Просто взвесьте этот поступок заранее. Это бывший следователь генпрокуратуры, он часто помогает официальному следствию, это значит – он работает не на клиента, а на истину. То есть, как говорится, все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Илья не смог сдержать улыбки:

– И зачем мне ваша подсадная утка за мои же деньги?

– Так это вообще не моя идея, а ваша. Вы попросили у меня рекомендацию, вы же не надеялись, что я посоветую человека, который будет обманывать меня, не правда ли?

– Нет, конечно. Шучу. Скрывать нам нечего. К тому же вы можете завтра поймать убийцу, и эта история для нас закончится.

– Всякое бывает, – неопределенно сказал Земцов.

Глава 5

Сергей Кольцов вошел в кабинет Земцова и уставился на товарища преданным взглядом голубых глаз.

– Ну чего? – скучно спросил Слава, скрывая некоторое оживление, как перед началом спектакля.

– Ничего особенного, – Сергей, точно уловив настроение друга, скрестил руки на груди и принял позу Гамлета, принца Датского. Он играл его в школьных спектаклях. – Просто иногда, может раз в жизни, судьба бросает подарок под усталые ноги путника, идущего своей прямой одинокой тропой... Слава! Это действительно случилось? Ты послал ко мне клиента?

– Послал.

– Из каких соображений ты это сделал? Чтобы спасти его, возвысить меня или – я не решаюсь об этом даже мечтать, – помочь твоему следствию? Которое – опять же не решаюсь это допустить – терпит крушение? Как обычно, впрочем.

– Свинья. А начал хорошо. Садись, кончай валять дурака. Я предупредил Илью Семенова, что ты будешь работать не на него, а в интересах следствия.

– Он мне рассказал об этой милой шутке, – Сергей расслабленно развалился на диване. – Что, по твоей задумке, я буду за его деньги делать твою работу. Мне понравилось. Я сначала смеялся, потом плакал, сейчас улыбаюсь сквозь слезы.

– Выступил? На самом деле ты мне, скорее всего, и не нужен. Хотя, конечно, от помощи не откажусь. У этого свидетеля, точнее мужа свидетельницы, возникли личные вопросы, довольно любопытные. Вдруг что-то прояснится, и фильм будет полнометражным, если выразаться твоим слогом.

– А. Ты в смысле искусства? Я – всегда «за».

– Сережа, полистай дело. Там пока ничего нет. Только факт: кто-то выбросил женщину с высокого этажа ее же дома. Все может оказаться проще пареной репы: сосед-психопат, подружка-завистница, подростки-хулиганы... Просто отец погибшей вывел нас на жену этого Семенова. А она рассказала версию вполне в твоём духе. Я даже не знаю, как к этому подступиться. Бери. Чтения там на десять минут.

Сергей читал дольше: пятнадцать минут. Слава смотрел на него с любопытством. Кольцов закрыл папку, встал, положил ее на стол.

– Не ожидал. «Санта-Барбара» в натуре. Одна жена, два брата. По всему должны появиться или исчезнуть какие-то младенцы.

– Ты хорошо читал? Она беременна. Твой новый клиент ради нее оставил семью с тремя детьми.

– А, ну да. От кого, как ты думаешь, она беременна?

– Кончай идиотничать, честное слово. Ну от кого! Один муж утонул полгода назад, она на втором месяце. От кого бы это, как ты думаешь?

– Ты так понял. А я считаю, что все сложнее. Она говорит, что не верит в то, будто этот Андрей утонул. А если она точно знает, что он не утонул? И даже знает, где он? И второй муж, Илья, это подозревает и нанимает частного детектива, то бишь меня, а?

– Я участвовать в развитии твоих фантазий от балды не собираюсь, но, если что-то подобное обнаружится, она станет подозреваемой.

– А сейчас разве нет?

– Одно дело – проклинать соперницу, когда муж мертв, другое – когда он жив.

– То есть ты не поверил в то, что она думает, будто его как раз эта Валерия прячет?

– Почему? Допускаю. И любой другой вариант допускаю. Там мужик был шальной, его кидало из стороны в сторону, он мог переметнуться к Валерии, потом вернуться к Лилии... Но, скорее всего, он утонул. Представляешь, какое расстояние, май, вода еще холодная...

– Да, скорее всего. А она не производит впечатления сумасшедшей?

– Откуда я знаю. Сумасшедшие очень часто производят впечатление нормальных людей. Но она вроде не выходила из дома в последние месяцы. Это можно проверить.

– Нельзя. Она могла выйти в куртке слесаря с повязкой на лице из-за флюса. К примеру.

– Сережа, что-то я от тебя устал. Может, ты пойдешь поработаешь для разнообразия? А то такое впечатление, что Семенов тебя нанял, чтобы ты его жену посадил за убийство.

- Я настолько широко мыслю, что даже этот вариант не исключаю. Зачем он меня нанял, мне пока неведомо. Но я знаю одного мужика, Отелло его фамилия, который из-за ревности такого натворил!..
- Не очень глупая мысль для тебя. Из-за ревности даже братьев убивают. А жену посадить, чтоб не позировала другим, это вообще пустяк.
- Да, она же натурщица. Что означает широкий круг разношерстных друзей, которые могли за нее отомстить сопернице.
- Нет. Она – не такая «натурщица», которых привозят в обезьянники из наркопритонов. Это – дама. Работает с известными художниками.
- Как она выглядит?
- Картина.
- Я в офигее! Слова Земцова, музыка Огинского. Значит, «картина» убить не могла?
- Могла. И муж ее, твой клиент, мог и брата убить, и его любовницу, если та о чем-то догадывалась.
- Ты не просто профи, Слава. Ты еще очень добрый. Сказал человеку, попавшему в беду, что ему может помочь частный детектив, полагая, что я вместо одного убийцы притащу тебе в мешке целое преступное семейство. А ты двухмесячного зародыша ни в чем не подозреваешь?
- И ты профи. По ходу начал работать на платного клиента. У него неплохой бизнес, – сварливо сказал Слава.
- Служу России!

Лиля сидела на диване в гостиной, сложив руки на коленях. Ее лицо было спокойным. Но временами она смотрела на Илью, и он на расстоянии ощущал жар ее взгляда. Он мог только догадываться, какие мысли и страсти испепеляют ее изнутри. Разговор не получался. Он смотрел на Лилю: у нее не бывает неловких поз, неприятного выражения лица. Никогда, даже во сне. При этом она не позирует, не контролирует себя, у нее просто талант. Талант – быть скрытной. Поэтому ее так любят художники: они видят в ней то, что хотят. А он... И он тоже видел то, что хотел. Пришел тогда, посмотрел на любимую женщину в горе, беспомощном состоянии, почувствовал, что ей нужны не врачи, а его любовь. Когда он будет умирать, он вспомнит эти два месяца, как самые счастливые в своей жизни. Как он ее кормил и купал, как учил ходить, улыбаться, слушать музыку, читать книжки, говорить... Ведь она даже с дочкой и матерью не могла говорить. Он возвращал ее к жизни, уживаясь с собственной мукой – он предал Веру и ее троих детей, которые любили его как отца. Просто у него не было выбора. Он приговорен к Лиле. И был сверкающий миг блаженства, когда она сама потянулась к нему, к своему мужчине... Все кончено. Отныне он не сможет вспоминать это без унижения и боли. О ком она думала в тот миг – о нем или об Андрее? Она забеременела в ту ночь и пошла с его младенцем под сердцем искать Андрея у соперницы, хотела его видеть, угрожала той женщине. Илья любил брата. Любил? После того, как Андрей украл у него Лилю, он просто запретил себе его ненавидеть. Но он хочет, чтобы тот оказался живым каким-то чудом. И чтобы каким-то чудом они с Лилей стали бы друг к другу равнодушны. Но это невозможно! Лиля разбила иллюзию их с ним, Ильей, счастливой семейной жизни. И теперь он должен быть готов к любому повороту событий.

– Илюша, ты знаешь все, – тихо сказала Лиля.

– Что ты имеешь в виду?

– Я искала Андрея у этой женщины, потому что хотела знать: вдруг он таким образом меня бросил.

– Это я понял. Меня интересует другое. Допустим, ты бы его там нашла, выследила. Он бы увидел тебя и сказал: «Давай начнем все сначала. Как на той помолвке. Сбежим вдвоем от всех». Он ведь мог, правда? И ты бы все пустила под откос, да? Мою жизнь, судьбу моего ребенка? Он своего не пожалел, если не погиб, а сбежал. И еще бы не раз сбежал... А ты бы опять умирала, и никто бы тебе был не нужен, как не нужна была Вика в те два месяца.

– Жестоко. Но ты, конечно, имеешь право так говорить.

Лиля встала, подошла к Илье, который стоял у окна, напряженный, с трудом удерживающий нервную дрожь. Она робко положила руки ему на плечи, посмотрела глазами в пол-лица:

– Мой дорогой, случилось ужасное. Я даже не знаю, веришь ли ты, что я не столкнула Валерию... Я сама не уверена, что не сделала этого в каком-то помрачении. В тот день, когда я у нее была, я могла ее убить, мне кажется... И потом. Счастья я ей не желала, мягко говоря. Что теперь будет, от нас вообще не зависит. Я только хочу тебе сказать: в ту нашу ночь я желала одного: чтобы ты был моим мужем навсегда. Я хотела, чтобы у меня был твой ребенок. Ты веришь? Для нас это самое главное.

Илья как будто услышал об отмене собственной казни. Он опустился на колени и прижался лицом сразу к ним двоим – к своей жене и нерожденной дочке. Он спрятал мокрые глаза, жалкий и жадный рот раба, который может дышать только у этих ног.

Глава 7

Анна Осипова мыла пол в прихожей. Очень часто останавливалась, чтобы выровнять дыхание. Она старалась не подчиняться своей астме, а сосуществовать с ней. Выполняла все дела по дому, пыталась предупредить приступы, училась их купировать. Ее все считали волевым человеком. Она сама думала, что мучительная болезнь сделала ее борцом, закалила настолько, что она внезапную страшную гибель своей старшей дочери перенесла более стойко, чем муж, Виктор. Анне нужно было держаться самой и держать дом, чтобы сохранить хотя бы видимость покоя и порядка. «Ради ребенка», – постоянно говорила она себе. Ребенком она считала младшего сына – восемнадцатилетнего Стаса. Собственно, он и был таким: наивным и непосредственным. Девочки всегда старше своего возраста, мальчики – младше. Валерия была старше брата на восемь лет. Когда им сказали, что Валерию кто-то выбросил из окна, Стас, красный, взъерошенный, метался по квартире и кричал: «Я найду того, кто это сделал! Я убью его!» Потом Виктор рассказал о том, что дочери приходила угрожать жена Андрея, с которым Валерия встречалась раньше, Анна страшно

испугалась. Она долго объясняла сыну, что это ничего не значит. Что Андрей погиб, а Лиля вышла замуж второй раз. Что женщины часто выясняют отношения из-за мужчин. Стасу это даже надоело.

- Да ладно тебе, мам. Не сходи с ума. Ты что, подумала, что я эту тетку пойду убивать из-за такой ерунды? Хотя, если подумать, то она может быть ненормальной. Пришла искать утопленника у нас! Значит, и на Леру могла накинуться. Но тогда ее и без нас возьмут. Сумасшедших всегда ловят.

- Умница, - погладила Анна сына по голове. - Для меня главное, что ты нормально оцениваешь ситуацию. Мы можем только ждать. Ты ведь говоришь мне правду, Стасик? Ты не собираешься мстить убийце Валерии, кем бы он ни оказался?

- Не знаю, - ответил Стас. - Этим судам никто не верит.

- Но есть Божий суд...

- Ой, мама, не надо только этого бреда. Ты хочешь услышать, что я убивать никого не собираюсь. Пожалуйста. Не собираюсь! Лере лучше не станет от того, что меня посадят.

- Вот теперь ты меня успокоил. Твоя жизнь - это самое главное сейчас для меня. Ты - мой любимый малыш.

И она поднялась на цыпочки, чтобы обнять своего двухметрового малыша, который совсем по-детски чмокнул ее в щеку.

...Анна передохнула, намочила и отжала швабру в ведре, хотела продолжить уборку и вдруг услышала странные звуки. Кто-то то ли смеялся, то ли кричал за входной дверью... Анна выглянула на площадку. Шум и возня раздавались сверху, с той самой площадки, где курила раньше Валерия. Женский голос громко произнес: «Ой, я падаю!» Голос Стаса пробасил: «А ты как думала!»

Анна выбежала из квартиры, пролетела лестничный пролет до окна на площадке... словно сквозь плотный туман увидела Стаса и женщину, которая выталкивала его в открытое окно! Он, странно согнувшись, почему-то даже не

сопротивлялся. Анне показалось, что у нее лопнули сосуды в глазах: туман стал багровым, она как будто со стороны слышала собственный хриплый крик, ее руки насмерть вцепились в длинные светлые волосы женщины...

Пришла в себя Анна уже в квартире. Она лежала на диване в мокром халате, а Стас продолжал лить воду из кувшина ей на лицо и на грудь. Увидев, что она открыла глаза, он позвал ее несмело и жалобно:

- Ма, ты чего? Ты жива?

Анна не смогла ничего сказать. Она только смотрела на него расширившимися от ужаса глазами. Что это было? Может, ей все показалось? Галлюцинации? Стас сел рядом, взял в руки ее ладони, начал их разжимать. Он вынимал из них пряди белых волос!

- Ты хоть понимаешь, чего сделала, ма? Ты ж со Светки чуть скальп не сняла. Это Светка была! Сейчас она ревет в ванной. Мы дурачились! А ты что подумала? Ладно, молчи. Ясно, что подумала. Че делать-то? Отцу звонить? «Скорую» вызывать?

Анна отрицательно покачала головой. Ей показалось... Ей привиделось самое страшное несчастье, какое только может произойти. Значит, гибель Валерии – это еще не самое страшное горе для нее. Такого дикого отчаяния она тогда не испытала. Она сделала большое усилие, поднялась, с помощью сына добралась до спальни. Там кивнула ему на вешалку с халатами, он помог ей переодеться в сухое, накрыл одеялом.

- В баре у отца есть коньяк, – прошептала Анна. – Налей мне капельку, сынок.

- С удовольствием, – оживился Стас. – И себе можно? Давай дерябнем по такому случаю. Ну ты, как зверь, чесслово! Светка теперь на драную курицу похожа. – Он вышел в гостиную, вернулся с бутылкой коньяка и двумя бокалами. – Светку приглашал, но она тебя боится. Домой пошла.

Анна приподнялась на локте, сделал пару глотков, смогла глубоко вдохнуть.

– Ты ей позвони, извинись за меня. Я ничего не видела, в глазах потемнело. Показалось, что тебя кто-то сталкивает, как Леру...

– Да понял я, ма, – Стас явно повеселел. – Давай еще выпьем за то, что ты ее не выкинула в окно. Могла ведь запросто! Я уж подумал, что на ней мне точно жениться не придется.

– В каком смысле – жениться? – спросила Анна.

– В прямом! Замуж она хочет по-настоящему! Представляешь? Печать в паспорт, свадьба, ну и прочая хрень.

– А ты? Ты объяснил ей, что у тебя только жизнь начинается? Полгода всего в институте учишься. Ни профессии, ни своей квартиры, ни... Не то я говорю. Просто зачем тебе так рано себя связывать?

– А. Не заморачивайся. Чего ей говорить? Она, как дятел, одно и то же долбит. Может, и женюсь.

– Ты ее любишь?

– Нормально отношусь. Ладно, раз тебе уже лучше, я пойду, посплю. Только сначала поем.

Вскоре в спальню вошел Виктор, озабоченный, нахмуренный, как всегда, в последнее время.

– Как ты себя чувствуешь? – он присел на край кровати. – Что произошло, я знаю. Стас поведал.

– Ничего, – Анна смущенно улыбнулась. – Что-то случилось со мной, так стыдно перед ними.

– Брось. Они точно это переживут. Это последствие нашего несчастья, вот что с тобой произошло.

– Витя, Стас сказал, что Светлана хочет, чтобы он на ней женился. И он как будто рассматривает такой вариант.

– О чем ты думаешь, не понимаю? Стас нам приведет еще дюжину таких Светлан до своей свадьбы и не меньше – после. Несерьезный он парень. Болтает, что в голову взбредет. Преподаватели им недовольны, кстати. Зря я его в свой институт устроил. Это не Валерия. Она понимала, что такое учеба, работа, репутация семьи...

Анна с тоской посмотрела на мужа. Он продолжает считать Валерию идеалом, образцом. Он не может смириться с тем, что ее нет! У них было всего двое детей, при этом у каждого – свой любимчик. Виктор больше любил Леру, серьезную, целеустремленную, немного замкнутую. А для Анны Стасик, открытый, непосредственный, инфантильный, ленивый и несобранный – свет в окошке. Но теперь они оба должны жить ради сына. Как Виктор этого не понимает...

Глава 8

Виктор Павлович Осипов, декан факультета биологии университета, вошел в свой кабинет с чувством облегчения. Наконец-то он один. Ночи стали для него пыткой. Анна притворяется спящей, лежит, не шевелясь, чтобы его не разбудить, пытается дышать ровно, не включает свет, чтобы выпить свои таблетки, воспользоваться ингалятором, бежит в ванную, когда уж совсем невтерпеж, и там долго, включив воду, борется с подступающим приступом. И ему тоже приходится притворяться спящим, не беспокоиться, не задавать вопросы, потому что это бессмысленно: Анна непреклонно следует своему алгоритму действий. Он будет ей только мешать. А он... вообще стал бояться засыпать. Потому что после полного провала в сон просыпается с минутной и нестерпимо острой надеждой: гибель Лерочки была сновидением. Она дома. Он слышит, как она ходит по квартире, стоит под душем, варит себе кофе и жарит глазунью. Надежда сменяется еще более острым отчаянием. Оно не проходит. Депрессия не проходит. Желание отомстить всем, кто причинял зло Лере при жизни, не проходит. Об убийце он старается не думать до конкретных результатов следствия. Чтобы не отравить себя ядом ненависти и агрессии до того момента, когда враг будет объявлен. Тогда... Будет видно, что тогда.

Виктор сел за стол, какое-то время собирался с духом, потом придвинул документы, включил компьютер, начал работать. Самым неприятным делом был приказ об отчислении «бесплатника» Григория Видова. Первый парень на факультете, мечта всех девиц, коих, как водится, у них большинство. И это не единственное его достоинство. Видов поступил с золотой медалью, с почти выдающимися результатами ЕГЭ и в том, что у него большие способности, никто из преподавателей не сомневается. Но они жалуются на его вызывающее поведение: он любит выставлять их перед аудиторией недоучками, которые не в курсе последних тенденций науки. Он пропускает занятия, не ходит на лекции, и тот факт, что Видов отвечает на экзаменах лучше других, опять же на основании информации, полученной не на лекциях, – преподаватели считают почти издевкой. Скорее всего, так оно и есть.

Виктор Павлович долго не ставит подпись под приказом. Он пытается строго и честно разобраться с самим собой. Он не предложит Видову остаться на факультете на платной основе, потому что тот не согласится. И не только из гордости, которой у него выше крыши. Этот красавец со светлой головой происходит из очень бедной многодетной семьи. Для таких чудо – среднюю школу так блестяще закончить. Найти работу, чтобы платить за учебу, можно только в теории. Деньги нужны приличные, за такие придется вкалывать, тут не до науки... Вот он мысленно произнес слово «наука». Он, декан факультета серьезного вуза, ученый не в первом поколении, в очередной раз совершает преступление против науки. У него нет альтернативы. Вытеснение бесплатных умников – не просто система, навязанная свыше. Это единственная возможность уцелеть самому, поддерживать на современном уровне факультет. Содержать семью, в конце концов. «На мое место может прийти еще больший негодяй», – жестко сказал себе Осипов. Ничего, Видов переживет. Наверняка через какое-то время они узнают о том, что он сделал карьеру ученого в другой стране. Конечно, это не факт. Андрей Семенов, которого после того, как он бросил их вуз, приглашали лучшие университеты мира, благополучно бросал и эти университеты... Как бросал все и всех, в том числе и женщин. В том числе – Леру. Андрей... Виктор Павлович увидел совершенно отчетливо этого вызывающе красивого, невыносимо наглого, этого... Этого врага, иначе он его не воспринимал, даже после его гибели, которой, как считает жена Андрея, возможно, и не было. Когда Семенов начал встречаться с Валерией, та потеряла свою независимость, уверенность, она превратилась в жалкую рабыню. Так казалось Виктору. Но Лера страстно хотела выйти за Андрея замуж, и отец сделал бы все для их счастья. Сапоги бы зятю чистил, наверное. Но этот мерзавец оставил ее, посветился в других странах, вернулся и увел невесту у собственного брата. Но и это не стало пределом его безнравственности. Он был

мужем этой Лили, у них росла дочка, а он, встретившись на какой-то вечеринке с Лерой, опять начал морочить ей голову. Виктору рассказали об этом, хотя он и сам что-то понял по тому, какой странной, растерянной и отрешенной вновь стала Лера. И тогда Виктор подумал: если Андрей оставит семью и женится на его дочери, – он все сделает для их счастья. Он даже сказал об этом ей: «Я подыскиваю тебе квартиру. Я все знаю. Если он решит остаться с тобой, пусть у вас будет свое жилье». Лера тогда благодарно на него посмотрела. Она страстно хотела этого счастья... Получилось так, как получилось. Виктор купил квартиру на свое имя (решил, что это будет безопаснее с таким зятем в случае развода) незадолго до того, как пришло сообщение о гибели Андрея. О квартире знала только Лера: она ездила ее смотреть. Анна о ней до сих пор не знает. Почему он ей не сказал? Сначала, чтобы не спугнуть Лерино счастье. Потом – из-за несчастья... Потом, сейчас... Надо сказать себе правду. Он близок к серьезному решению. Он оценил трезво создавшуюся ситуацию и пришел к выводу: муж и жена часто расстаются, потеряв любимого ребенка. Это происходит по ряду причин, одна из которых: родители не могут до конца дней травмировать друг друга воспоминаниями о потере, а не вспоминать, будучи вместе, – невозможно. Это причина, у которой есть большой плюс: можно надеяться, что для Анны расставание тоже станет облегчением. Есть и другая причина. Это Ольга. Актриса театра и кино, которую пригласили однажды к ним на факультет для ведения новогоднего «капустника». Он пригласил ее танцевать, что-то поразило его в ее нежном и миловидном личике, во взгляде – робком и зависимом. Они провели остаток ночи в ее комнате в коммунальной квартире. С тех пор встречаются уже несколько лет. Он не ездил к ней после смерти Леры... Может, потому что в нем созревало решение уйти к ней совсем. Ему с ней легко, как с послушным ребенком. Виктор понял, что он хочет спокойно жить и любить... Если не сейчас, то через какое-то время. С Анной это невозможно никогда.

Он вздохнул, придвинул к себе приказ об отчислении Видова, память вновь услужливо подсунула ему ненавистный образ Андрея, исковеркавшего жизнь его дочери: они с Видовым очень похожи, – и поставил свою подпись почти с удовольствием.

Илья уже собирался ехать домой, когда позвонила Вера, бывшая жена. Он не успел даже поздороваться.

- Илья! Илюша! – рыдала она. – Беда страшная! Людочка повесилась!

- Что? Что ты говоришь? Вера, я вчера с ней разговаривал. Она сказала, что все хорошо...

- Она повесилась, я тебе говорю. Я только что пришла с работы. Катю и Толика привела... Она на карнизе... На поясе моем...

- «Скорая» была?

- Мы с соседом ее только что сняли... Еще никому не звонили. Она умерла, Илюша. Холодная совсем.

- Подожди. Никому не звони. Я сам вызову. Ее могли убить. Она не могла сама. Я не верю. Жди.

Илья трясущимися руками набрал телефон Земцова, сказал, что произошло.

- Это моя приемная дочь. Старшая. Ей семнадцать лет. Она не могла сама... Я прошу вас это проверить.

- У вас есть какие-то предположения?

- Дней десять назад я возил ее к стоматологу. Мне показалось, что она осунулась, похудела. Я спросил, как дела. Она всегда со мной делилась. А тут... она сказала, что случилась неприятность, но это не точно. Как-то она странно выразилась. Обещала потом мне все рассказать. Вчера мы по телефону говорили, она сказала, что все хорошо. Только сейчас мне кажется, что голос у нее был какой-то неестественно ровный. Как будто она не могла или не хотела говорить.

- Мы едем. Встретимся на месте.

Когда Илья вбежал в квартиру, там уже были Земцов с нарядом, врачи «Скорой», эксперт. Илья посмотрел на лицо дочери, лежащей на полу, и с трудом сдержал крик. Он подошел к Вере, полной, круглолицей женщине с воспаленными, почти безумными глазами, и обнял ее за плечи.

- Это наше общее горе, Верочка. Я узнаю, что случилось.

- Да, - Вера кивнула, не глядя на него. Она как будто ждала чего-то.

Земцов позвал Илью в другую комнату. К ним подошел эксперт, высокий, худой, с суровым лицом.

- Илья Кириллович, - представил его Слава. - А это наш специалист по особо важным экспертизам Александр Васильевич Масленников. Он закончил свою работу. Предварительное мнение уже есть, наверное.

- Мои соболезнования, - произнес Масленников. - Слава сказал мне о ваших подозрениях. Они, конечно, обоснованны. Молодая красивая девушка, все вроде бы в порядке, по словам матери... Я подумал, что ее могли изнасиловать, а потом повесить... Так, к сожалению, бывает. Но при поверхностном осмотре я не обнаружил следов насилия. Очень многое говорит о том, что она сделала это сама. Сейчас мы поищем что-нибудь, может, записку. Нужно взять телефон, ноутбук, проверить все звонки, переписку. Будем искать причину.

- Илья, - сказал Слава. - Люду сейчас увезут. В общем, мы будем держать вас в курсе. Вы тоже, пожалуйста, попробуйте что-то узнать у подруг, может, она с кем-то встречалась. Младшие дети закрыты в детской. Нужно после нашего ухода убедиться в том, что им не понадобится медицинская помощь. Маленькая девочка очень плакала.

- Да. Я, возможно, заберу их с собой.

Когда чужие люди вышли из квартиры, Илья вошел в детскую. Пятилетняя Катя бросилась к нему, он взял ее на руки.

- Папа, - всхлипнула она. - Где Люда? Почему она такая была?

– Я потом тебе объясню, хорошо? Сейчас скажите мне оба: вы чего-то хотите? Давайте я вас покормлю, пока мама немного отдохнет.

– Я не буду, – твердо сказал десятилетний Толя. – Я понял, что Люда повесилась.

– Толик, прошу тебя, не надо сейчас об этом. Ты же видишь, как Катя дрожит. Вы поедете со мной?

– Я поеду, – быстро сказала Катя. – Мне здесь плохо.

– А я останусь с мамой, – серьезно ответил мальчик.

Илья опустил Катю на пол и обнял Толика.

– Ты у меня большой молодец. Настоящий мужчина. Мы сейчас все-таки приготовим ужин. Потом с мамой поешь.

Через полчаса Илья вошел в комнату, где сидела и смотрела на карниз Вера.

– Тебе нужно хотя бы выпить чаю, – сказал он. – Мы с Толиком приготовили ужин. Катюша хочет поехать ко мне. Ты не возражаешь?

– Буду тебе очень благодарна, – бесцветным голосом произнесла Вера. – Малышке нельзя оставаться в этой квартире. Что тебе сказали эти люди?

– Они полагают, что Люду не убивали. Что она сама...

– Почему?

– Они выяснят. Надо ждать. Тебе нужно отдохнуть. На работу завтра лучше не ходить.

– Я отдохну. На работу не пойду, – голос Веры был сухим и неживым. – Мне Кате какие-то вещи собрать?

– Нет, что ты. Я куплю все, что потребуется. Дома с ней будет Лиля.

Илья рассказал Лиле о том, что случилось, из машины, когда Катя уснула, положив голову ему на колени. Когда он вошел в квартиру с ребенком на руках, Лиля провела их в спальню, где рядом с их кроватью стоял маленький диван. Там уже была приготовлена постель для Кати. Лиля осторожно ее уложила, переодев в свою фланелевую футболку. Катя открыла круглые серые глаза и сказала:

- Ты - Лиля. Красивая. У нас Люда висела вот так... Я не знаю, где она.

- Я тоже не знаю, - растерянно ответила Лиля. - Давай я тебя укурую, сейчас принесу очень вкусный гоголь-моголь.

Но Катя уже крепко спала, когда Лиля вошла с кружкой. Илья стоял посреди комнаты и смотрел на ребенка.

- Что ты думаешь обо всем? - спросил он у Лили.

- Я... Илюша, я боюсь... Люда так поступила из-за нас с тобой?

Глава 10

Сергей Кольцов внимательно изучал документы, фотографии, записи Андрея Семенова - все, что принес его брат Илья. Личность колоритная, что и говорить. Трудно мужчине оценить привлекательность другого мужчины, но тут и ежу понятно: этот парень женщинам нравился, мягко говоря. И дело даже не в том, что все при нем: рост, широкие плечи, длинные ноги, стиль: в обычных джинсах и майке пройдет любой фейс-контроль. Необычное лицо. Мягкий, доброжелательный взгляд серых или зеленых глаз, открытая улыбка и тяжелый, немного выдвинутый вперед упрямый подбородок. Это характер. Серьезный характер. В мобильном телефоне сохранены старые эсэмэски. Много, с разных номеров. Телефон активен. Лиля его заряжала, клала деньги, иногда куда-то с него звонила, чтобы не заблокировали. Что-то по Андрею Семенову в Интернете есть наверняка.

Аккаунт на фейсбуке и в «одноклассниках». Записей немного, друзей – вагон. Женщин больше, чем мужчин. А почему, собственно, Лиля решила, что его прячет Валерия Осипова? Если он действительно жив, он может быть у любой другой подруги.

Вот его российский и загранпаспорт. Но за это время он вполне мог получить другие документы на свое имя по причине того, что эти якобы утеряны. Мог получить и на другое имя. Тоже не проблема. Он учился в Кембридже, во Флориде, в Канаде. И везде у него, конечно, есть друзья. Женщины... Но все записи в соцсетях закончились в мае этого года. Ну а как иначе, если он погиб или скрывается? От чего он может скрываться? Неужели такая дикая по сути афера была затеяна лишь ради того, чтобы бросить красавицу жену и ребенка? Конечно, нет. Так может думать только Лилия. Андрей Семенов появлялся в обществе бизнесменов, на научных конференциях, о нем писали на разных форумах. Вот, например: «Так эту фирму возглавил Андрей Семенов? Ну дает! Это тот, с кем мы на биофаке учились? Он быстро слился». «Это точно он. Приехал то ли из Англии, то ли из Швейцарии. Я с ним нос к носу столкнулся в департаменте, где он аренду оформлял. Понтит, как всегда. Дело-то он поставит. Но ничего не выйдет. Мзду платить не будет, никто ему не указ. Обломают». «Да Андрюха всех посылает. Это у него отдельный кайф: чего-то ухватить, застолбить, а потом всех послать». «Ну и правильно». «И че правильного? Жеребец – он и в Африке жеребец. Лишь бы повыделываться».

Сергей набрал номер Семенова.

– Добрый день, Илья. Не помешал?

– Нет. Здравствуй, Сергей.

– Слава мне рассказал, какое у вас несчастье. Прими мои соболезнования.

– Да. Несчастье.

– Ничего, если я тебя отвлеку по поводу брата?

– Да, конечно.

– А где ваши родители?

– В Риге. Точнее, под Ригой. У них там маленький домик. Они на пенсии. Болеют после того, как Андрей... Они его безумно любили.

– А он?

– Еще как! Понимаешь, он умел выразить свою любовь... Так порывисто, щедро... Я вот никогда не умел. Потому он и был любимчиком. Ну, не только потому. Он красивее, веселее, светлее, что ли, чем я...

– Но он мог причинить такую боль матери и отцу? Исчезнуть и не давать о себе знать?

– Мог. Он и меня очень любил. Ни у кого не было такого чудесного, преданного, обожающего младшего брата. Мы учились в одной школе. Он на три класса младше. Я почти никогда не дрался. Он разбивал по носу через день примерно. И все из-за меня. Кто-то не так обо мне сказал, не так на меня посмотрел... Он тут же в бой! Мое мнение было для него выше любых законов. И что? Он увидел Лилию, и я перестал для него существовать. У него – сверхценные идеи, сверхкипящие страсти. Могло произойти что-то такое, из-за чего он бросил родителей.

– Если бы он надолго их оставил – это одно. Но если он жив и знает, что они считают его погибшим, – это очень большая жестокость. Я к чему клоню: ты точно знаешь, что он не дал им какой-то весточки о себе за это время?

– Точно знаю. Я видел их за эти полгода несколько раз. Я их читаю, как себя. Они не живут. Просто ждут встречи с ним. На том свете! Уверены в его смерти. Сто процентов.

– Да... По сути мы пытаемся разобраться в невротическом подозрении Лили и только, да?

– Можно и так сказать. Но Лилия – не психопатка ни разу. Она страстная, глубоко все переживающая натура, но она способна анализировать события и, самое главное, обладает интуицией. Они были очень близки, Сережа. Как бы Андрей

себя ни вел. То, что она не поверила в его смерть, – для меня стало потрясением. Я поверил, как и родители. Но Лиля... Если бы он на самом деле умер, она бы это сразу почувствовала.

– Для монографии по психологии это очень интересно. Для следствия – ноль информации, конечно. Ищем?

– Да. А что-нибудь есть по убийству Валерии Осиповой?

– Мне пока не доложили. Прошу прощения, но хотелось бы, чтобы убийцу искал Земцов за свою зарплату.

– А. У вас церемонии. Буду знать.

– Мы такие. До связи.

Глава 11

Ольга давно проснулась, но всякий раз, когда глаза хотели открыться, она зарывалась лицом в подушку, с силой зажмуриваясь. По утрам она хорошо понимала фразу: «Глаза бы мои ничего не видели». Ни-че-го! Депрессия... А у какой актрисы не бывает депрессии? Только у никакой актрисы не бывает депрессии. Это понятно любому профессионалу. Если девка – никто, звать ее никак, приехала черт знает откуда, пролезла в «актрисы», потому что точно знает, под кого упасть, причем не в театре, не в гостинице во время съемок, а на крутом корпоративе, в особняке бугра, значит, у нее вместо нервов – цель. Это совсем другое дело. Если на эту цель натянуть юбку выше стрингов, можно не сомневаться, что все получится. Она рано или поздно явится встречаться с коллективом в роли руководителя какого-нибудь департамента или депутата Госдумы. И худрук будет сдувать пыль со стула, прежде чем она на него сядет, и все актеры – заслуженные и не очень – тоскливо вытянутся в струнку.

Ольга – профессионал. Насколько талантливый, это вопрос. Актер не может на него ответить сам. Потому что он страшно зависим. От режиссера, от выигрышной роли, от поддержки партнеров, от удачи... В жизни Ольги была

большая удача, вот она и рыдает, как только посмотрит на свою огромную фотографию в той роли. Рыдает, но не снимает ее со стены, потому что это сладкие слезы.

Ольга решительно села на постели и уставилась на увеличенный кадр известного фильма. Тоненькая девушка с аккуратной русой головкой стоит среди берез, повернув к камере лицо. Оно прекрасно! Огромные чистые глаза смотрят доверчиво и тревожно. Нежный рот приоткрыт, словно для поцелуя. Кожа светится, как у богини... Невеста, сказка, волшебство. Кино... Сейчас Ольга подойдет к зеркалу и увидит бледное простенькое личико с мелкими чертами. Небольшие и не очень выразительные глаза, маленький нос, тонкие губы, кожа не очень ровная, местами раздраженная от грима. Она и тогда была не красавицей. Просто миленькая, обаятельная, юная. И вдруг ее пригласили на пробы, а потом утвердили на главную роль. Все тогда было как в тумане. Как снималась, как тряслась по ночам из-за того, что ничего не получается, как ждала постоянно, что ее заменят... На премьере испытала шок! Это я??? Не может быть! Я такая??? Это было чудом кинематографа, мастерством оператора, четким рисунком режиссера и торжеством и драмой актрисы. Она проснулась известной и красавицей. Продюсер организовал хвалебные рецензии, оператор, с которым она провела на съемках пару ночей, запустил в газеты отличные снимки.

Ольга вспомнила, как пришла однажды к этому оператору с журналом, где на развороте были ее прекрасные портреты. Она хотела его поблагодарить, остаться... Они поцеловались, выпили немного вина. Она спросила: «Ты читал? Они пишут, что я самая красивая актриса сегодня». Он рассмеялся: «А ты не читала о других? Так теперь пишут обо всех». В дверь позвонили, он впустил незнакомую девушку, явно дебютантку, быстро попрощался с Ольгой. Так началась ее обида. На все, что оказалось за пределами того чудесного успеха.

Она встала, прошла в ванную и вообще отказалась смотреть на себя в зеркало. Кажется, она себе надоела. То ли одиночество, то ли что... То ли то самое! Постоянное унижение, которого не было бы без того триумфа. Ее взяли в хороший театр, но за пять лет ни одной приличной роли. Массовки, выходы каждый день и репетиции... Она устала! Она смотрит на исполнительниц главных ролей и уверена, что она сыграла бы в тысячу раз лучше. Потому что хуже сыграть невозможно. Но ролей ей не дают. Дают тем, у кого есть покровители. Ольга это точно знает. В их театре среди ведущих актрис только у Нины Назаровой нет покровителей, потому что она – символ, бренд, и ей

восемьдесят пять лет. Причем в труппе поговаривают, что возраст себе она уменьшила. Ольга отчетливо вспомнила Нину Глебовну и слабо улыбнулась. Это ж надо быть такой классической великой старухой! На нее публика валом валит. Как на Яблочкину, Гоголеву, Раневскую. И она с таким удовольствием, вкусом и юмором несет эту свою роль. Всем говорит «ты», всех уму-разуму учит, худрука ни в грош не ставит.

– Ветрова, – сказала она недавно Ольге, подсев к ней за столик в буфете. – Мне кажется, у тебя нет даже любовника. Чего ты ждешь? Попрыгаешь еще десять лет в массовке, потом тебя вместо коврика будут на сцене расстилать. Ты же ничего. А в том фильме вообще красotka. В чем дело?

– Да так, – пожала плечами Ольга и решила похулиганить. – Вот у вас тоже нет любовника, но вас не расстилают вместо коврика.

– Так это мой формат, – спокойно заявила Нина Глебовна. – Я сама за себя. Считается, что у меня никогда и не было любовника, хотя это не совсем так. Я всегда была слишком оригинальной и немного гениальной. Ну и скромной, конечно.

– Ну не всем же... – рассмеялась Ольга.

– Не всем. Тебе нужно замуж, мне кажется. Раз ты не умеешь зарабатывать тем местом, которым сейчас в основном зарабатывают. А ты не умеешь однозначно. Приоденься, походи по этим... тусовкам, найди кого-нибудь. Только не актера. Они все козлы и альфонсы. С режиссерами тоже не вариант. Надо найти нормального и желательно тупого.

– Почему?

– Потому что умные мужья – это большой геморрой. Они разговаривают. Кстати, сегодня, когда я встала с трона в последнем действии, мне показалось, что у меня геморрой...

Назарова встала и ушла, не прощаясь. Ольга сидела, растерянно улыбаясь: ей было смешно, а глаза... Ну, опять горячие и мокрые. Не хватало сидеть тут, как печальный клоун, – смеяться и плакать.

Ольга вспомнила этот разговор, вытираясь после душа, и почувствовала, что слезы снова на подходе. Она стала совсем истеричкой! Нет, только не думать о том, что Виктор не звонит больше недели. Значит, в ее жизни Виктор кончился, вот и все. И тут раздался звонок.

– Да, Витя... Да, все нормально. А ты? Что? Хочу ли я, чтобы мы были вместе? Ты еще спрашиваешь? Я не могу ответить, реветь начну... Ты купил нам квартиру? Я не могу в это поверить...

Ольга пошла в свою комнату в коммуналке, где сейчас, кроме нее, никто не жил, потеряла по дороге полотенце. Она стояла, голая, дрожащая, и смотрела на свою фотографию на стене – единственное яркое пятно на фоне беспросветно убогой обстановки. К нам вернулась удача? Она обращалась к той, сияющей красавице. Потом повернулась к зеркалу и увидела чудо. Ее глаза стали вновь глубокими и чистыми, кожа нежной и прозрачной, рот приоткрылся, словно для поцелуя. Вот так. Назарова не просто гениальна, она экстрасенс какой-то. Нужно ей обязательно сказать, что Виктор не тупой и в то же время не так уж много разговаривает. Он как раз молчаливый скорее. И вот... сказал.

Глава 12

Слава просматривал протоколы опросов знакомых и соседей Валерии Осиповой. Ее выбросили из окна в доме, где она прожила десять лет из двадцати шести. Она закончила школу, которая находится рядом на Ленинградке, училась в университете, у нее были подруги, она с кем-то встречалась, работала. После биофака сразу решила, что это бесперспективное направление: ни преподавать, ни сидеть на пятнадцати тысячах в НИИ она не хотела. Закончила за год экстерном мединститут и устроилась в лабораторию крупного диагностического центра. Там сотни сотрудников. Опрошены, конечно, только некоторые. Но вообще следствие поработало с большим количеством людей. И какое странное, даже неприятное впечатление. Как будто девушка не жила в многонаселенном доме, не служила в большой организации, а просидела всю жизнь в изолированном бункере. И это не особенность данного дела. Это особенность времени. Кто-то действительно ничего не знает ни о ком, кроме себя («а я при чем?»), кто-то считает, что так нужно говорить следователю, чтобы не иметь проблем, а кто-то – просто является убийцей. И в свете последнего

обстоятельства как оценить это непоколебимое равнодушие окружающих? Им плевать на то, что кто-то непременно станет следующей жертвой. Каждый уверен: «Только не я. Меня убивать не за что». И Валерию было не за что. Вот в чем дело.

Как всегда, вовремя заглянул Кольцов. Слава поделился своим впечатлением. Кольцов, конечно, все сразу понял.

– Объясню, – он удобно уселся на подоконник. – Чтоб ты не слишком удивлялся. У этих людей есть смягчающее обстоятельство. Вас не любят, Слава. И не так, чтоб на ровном месте. Ты понимаешь, что я не тебя лично имею в виду.

– Тогда вся надежда на тебя, – саркастично заметил Слава. – Тебя-то точно все любят. Ты ж собираешься нам помогать, получив по моей рекомендации платежеспособного клиента? Разводить его по поводу несуществующего утопленника можно сколь угодно долго.

– Уел, – согласился Сергей. – С утопленником дело перспективное в смысле полной глухоты. Я просто зашел узнать, что у тебя есть, чтобы вывести жену Семенова, его самого и неродившегося члена их семьи из разряда подозреваемых?

– Так ничего нет! Кроме конфликта Леры с Лилией Семеновой из-за любовника, пока никаких зацепок.

– То есть ты хочешь сказать, что вы перетрясли кучу народа и пришли к выводу, что Осипова не перешла дорогу ни одной соседке, не отвергла ни одного хулигана, не угрожала, к примеру, донесением на какого-нибудь взяточника на работе?

– Мы не пришли ни к какому выводу, Серега. Я ж тебе говорю: они тупо не хотят ничего говорить. Или им по фигу все остальные люди. Ну вот, например. Живет с Осиповыми на площадке один смурной неместный тип. Арендует квартиру. Бригадир ремонтников. Всего лишь. В доме обитают достаточно обеспеченные люди. Но такого навороченного джипа, как у этого Песикова, нет ни у кого. Разговаривает через губу. Просто хамит. Я посмотрел из любопытства, что есть на него. Индивидуальный предприниматель. Налоги платит с ма-а-ленькой суммы. А строит себе коттедж в сорока километрах от Москвы...

- Стоп! Не увлекайся. Ты ищешь убийцу, а не расхитителей богатств дорогой нашему сердцу родины. Если ты пойдешь по этому пути, обратно не вернешься. А Песиков - это что такое? Фамилия?

- Представь себе.

- С трудом. Сколько ему лет?

- Тридцать семь.

- Женат?

- Здесь живет один.

- Мог приставать к Осиповой, получить отлуп и отомстить, не сильно рискуя быть обнаруженным. Отпечатки обуви на площадке есть?

- Да, есть.

- Не сравнивали с его обувью?

- А чего там сравнивать. Он говорит, что тоже курил на этой площадке. Иногда вместе с Валерией. Чисто по-соседски.

- А зачем ему курить на площадке, если он не женат? Кому он в квартире мешает?

- У него там Лувр, а не квартира. Говорит, мебель из ценных пород ручной работы, люстры из хрусталя, короче, он там старается даже не дышать, чтоб все не испортить.

- Похоже на правду, да?

- Вообще-то похоже. Если б ты с ним пообщался, ты бы понял. Это жлоб чистой воды. Я там до чего-то рукой дотронулся случайно, а он тут же тряпочкой протирает. На стул с каким-то белым атласным сиденьем, расшитым райскими

птицами, вообще полотенце положил, чтоб я сел. Пепельниц я там не видел.

- Ну, видишь, а говоришь, - ничего нет. А что он о Валерии говорит?

- Да ничего. Вообще мычит в основном.

- То есть говорящие в доме не обнаружены?

- Да есть. В основном рассказывают о себе. О Валерии - в двух словах. Здоровалась. Хорошо училась. В компаниях ее никто не видел. Одна дама в подъезде живет - Розовская Софья, - так она сказала, что Валерии не хватало шарма.

- В смысле - за это можно и грохнуть?

- Наоборот. Она отметала убийство из ревности или страсти. Для этого, мол, она никакая была.

- Интересный ход мысли. А сама она какая?

- Ты будешь смеяться, но с шармом, если это так называется. Интересная баба. Лет за сорок правда, но смотрится здорово.

- Неужели ты сможешь ее описать?

- Черные волосы и зеленые глаза.

- Ничего себе! Я не о глазах, а о том, что ты их рассмотрел. Схожу гляну из любопытства. Если ты дальтоник, с тебя бутылка. Если и правда зеленые, то с меня. А что у вас по семье самой Осиповой?

- Нормальная, приличная семья, как ты знаешь. Отец - декан факультета, мать - домохозяйка, болеет. Младший брат Стас - обычный оболтус восемнадцати лет. Есть у него девица. С ней еще не общались.

- Пообщайтесь. Девушки не любят старших сестер своих оболтусов. Чаще всего это взаимно. А что по дочери Ильи Семенова? Готова экспертиза?
- Да. Суицид без вопросов. Александр Васильевич может отцу рассказать подробнее. Так что пусть тело забирают.
- Очень жаль, что она так решила. Надо искать, кто в этом виноват. Есть версии?
- У девочек такого возраста причина может оказаться... совсем неожиданной. Ну, был парень. Звонки в основном от него или ему. В последние дни она на них не отвечала. Наверное, обиделась на что-то. Я его еще не вызывал.
- Звякни, когда его вызовешь, ладно?

Глава 13

Парча была багровой, тяжелой и прохладной. В мастерской Игоря, художника, как и раньше оказалось не намного теплее, чем на улице. Лиля сидела на твердом деревянном стуле с высокой спинкой, парча полностью драпировала правую часть ее тела, обнажая левое плечо, грудь почти до соска, ногу почти от талии... Крайне неудобная поза, которая Лиле казалась совершенно естественной. Она так сидела уже несколько часов. Усталость придет потом, когда сеанс закончится. Тогда она почувствует себя разбитой, как после тяжелого физического труда. Каким, впрочем, ее труд и являлся.

- Ты изменилась, - сказал Игорь, внимательно взглянув на ее лицо.
- Я жду ребенка, - ответила Лиля.
- Поздравляю, - рассеянно ответил он, рассматривая под углом собственный мазок на полотне. - Только ты изменилась иначе.
- Подурнела?

– Нет, конечно. Это невозможно. Просто мадонну с младенцем я с тебя бы писать сейчас не стал. Я правда вообще не собираюсь этого делать.

– А почему я не похожа на мадонну, у которой скоро будет младенец?

– Нет кротости, сладости, покоя... Так, по-моему.

– А что есть?

– Загадка есть. И что-то новое. Я бы сказал, это похоже на протест, бунт и, прости, агрессию. Во всяком случае, мне так кажется и мне это нравится. Я, конечно, вижу то, что хочу. То, что мне нужно сейчас. Я ошибаюсь?

– Нет. Я действительно против всего, что произошло и происходит с моей жизнью, – Лиля могла быть совершенно откровенной с Игорем, его не интересует жизнь вне собственных картин. Только как материал. – Ну, кроме беременности и замужества... Я вышла замуж второй раз.

– Да? Ты развелась с первым мужем?

– Нет. Он пропал без вести. Считается, что он утонул. Но я думаю, он меня бросил.

– Из-за чего?

– Из-за другой женщины.

Игорь рассмеялся:

– Лилия, этого не может быть! У тебя что-то с нервами.

– Но он изменил мне с другой женщиной. Он мог к ней уйти...

– Ты ее видела?

– Да.

- Опиши. Очень интересно.

- Она... Невысокая брюнетка с темными невыразительными глазами. Под ними – тени, – Лиля улыбнулась, – как будто ты нарисовал. Тени скрытой страсти. И рот у нее – ненасытный, требующий... его, моего Андрея. Она бы тебе понравилась.

- Ты очень здорово описала. Я бы посмотрел.

- Ее больше нет. Валерию, любовницу моего мужа, убили. Меня, кажется, в этом подозревают... Вот такая у нас история.

- Да ты что! – Игорь отложил кисть и уставился на Лилю потрясенно. – Вот это сюжет! А за кого ты так быстро вышла замуж?

- За его брата. Он был моим женихом до Андрея.

- Обалдеть!

- Я люблю его. Но и тут все плохо. Ужасное несчастье. Он оставил женщину с тремя детьми, с которой до меня жил. Эти дети его погибшего друга. А старшая девочка покончила с собой. Мне кажется, это наказание за наши грехи.

Игорь подошел к Лиле, обошел ее с разных сторон, как будто выбирая ракурс. Потом сказал:

- Слушай. У меня гениальная идея. Это будет бомба. Я параллельно пишу тебя в черном. Простое черное платье с открытыми руками и грудью. Ты стоишь босиком. У твоих ног женщина... Она лежит как будто на краю бездны... Глаза полуприкрыты, под ними тени страсти и греха, губы искусаны в кровь... Ты неподвижна, но должно возникнуть ощущение, что босые пальцы твоей ноги сейчас столкнут эту женщину в пропасть. Ты понимаешь?

- Да. Ты хочешь написать с меня убийцу. Валерию выбросили из окна. Ты почти угадал. Я рада, что вернулась к работе и к тебе. Для тебя жизни нет. Есть картины. Мне хотелось бы ощущать то же самое.

Глава 14

Сергей вошел в кабинет Ильи, когда тот говорил по телефону. Кольцов кивком поздоровался, сел и осмотрелся.

– Извини, – сказал Илья. – Полдня убил на ерунду, ты не поверишь. Вроде маленькая поправка в документе, а в результате нужно падать ниц перед десятком чиновников.

– Я верю. Эти маленькие поправки при соответствующей постановке вопроса можно превратить в коррупционный скандал. Хочешь?

– Толку-то!

– Из искры возгорится пламя. Так вроде, не помнишь?

– Нет. Сережа, я правильно тебя понял: с Людой следствию все ясно! Я могу увидеть акт экспертизы?

– Да. И поговорить с экспертом. Умнейший человек вообще-то. Земцов без него – всадник без головы.

– Зачем ты так? Мне Вячеслав Михайлович нравится.

– Я – любя. Там какой-то парень есть. Все постоянные звонки идут от него или к нему. Или практически все. В последние дни Люда не отвечала на его звонки. Что-то между ними произошло, видимо. Ты не знал, что она с кем-то встречается?

– Знал, просто все у меня так понеслось... Она не успела мне его показать. Я страшно виноват. Если этот негодяй... Если он ее обидел... – простонал Илья.

– Пока не стоит себя накручивать. Нет информации. Мы с ним познакомимся, конечно. То есть сначала я. Ты в таком настроении можешь парня только в тупик загнать. В общем, сейчас вам можно девочку хоронить. Думаю, парень придет на похороны. Прошу тебя не реагировать. Не реагировать плохо. Я хочу на него

посмотреть со стороны.

– Да. Я понял. Нужно Вере сказать. Я все подготовлю... Страшно как. Ненормально. Я не могу поверить.

– Да. Это страшно и ненормально, – Сергей встал. – Если понадобится помощь, звони... Мне нравится у тебя. Хороший офис.

– А что в нем хорошего? Обычная контора. Столы, стулья, компьютеры, туалеты.

– Вот именно. Ты знаешь, я как увижу в офисе клиента что-то похожее на водопад, ручей в холле, аквариум вместо стены, – сразу сворачиваю с ним дела.

– Почему? Разве это не значит, что у него много денег?

– Значит, конечно. Причем так много, что в башке у него уже: «и на Марсе будут яблони цвести». Неадекват, и это не самое печальное. Просто все его пожелания пронумерованы в Уголовном кодексе.

– Да ладно. Что-то никому это не мешает.

– Кроме меня! Мне даже в детстве не нравились тетрадки в клеточку.

– Смешно. А как ты думаешь: я – адекват?

– Однозначно. Причем в такой степени, что меня это настораживает. Извини, ты сам спросил.

Сергей вышел, а Илья еще долго смотрел на закрывшуюся за ним дверь. Станный парень. Явно его прощупывает. В чем-то подозревает? Следователь предупредил: он работает не на клиента, а на истину. Ему, Илье нужна истина? Или он просто хочет точно знать, что Андрей погиб?! Сейчас, когда нервы на пределе, когда все зыбко и непонятно... Ну хоть себе, хоть на минутку можно правду сказать. Да. Он, Илья, хочет знать, что Андрея, родного и любимого брата, нет больше на этом свете. Что они с Лилей будут жить спокойно, может быть, даже счастливо. Без него. Ну никто не виноват в том, что у них одна женщина и им ее не поделить.

Глава 15

Они с Верой приехали к Земцову утром. В кабинете их уже, кроме Славы, ждал эксперт Масленников. Через несколько минут вошел, извинившись за опоздание, Сергей.

Илья прочитал акт экспертизы, посмотрел на Веру, она протянула дрожащую руку, чтобы взять бумагу. Он отрицательно помотал головой и положил лист на стол. Вера послушно опустила руку на колени.

– Я могу ответить на ваши вопросы, – предложил Александр Васильевич.

– Спасибо, – ответил Илья. – Там все очень ясно описано.

– Вы можете взять вещи Людмилы, – сказал Слава. – Дело, конечно, я не закрываю до выяснения причин суицида. Мы перенесли ее контакты из телефона и ноутбука. Думаю, вам имеет смысл их забрать. У вас есть другие дети... Ну, я к тому, что, может, им нужно.

– А можно мне на время это взять? – вмешался Сергей. – Не в смысле ревизии следствия, – ни боже мой. Просто – взгляд со стороны. И, мне кажется, Слава, ты чуть-чуть торопишься. Ты же будешь вызывать контактантов, если вдруг возникнет нестыковка, можно тогда заказать распечатку разговоров.

– Я не хочу! – почти крикнула Вера.

– Чего ты не хочешь? – мягко спросил Илья.

– Не хочу никаких распечаток. Девочки нет! Для вас. А для меня она есть. Я никогда не подслушивала ее разговоров, – Вера в смятении вскочила и осмотрелась, как будто хотела бежать отсюда – от этих страшных бумаг, жестоких слов, очевидности смерти дочери. Она не могла объяснить этим мужчинам, что Люда и сейчас нуждается в ее любви и защите.

– Вера, – Илья властно сжал ее локоть и заставил посмотреть себе в глаза. – Людочка всегда будет с нами. Но у нас есть дела. Мы должны с ней попрощаться, как полагается. Мы должны узнать, в чем была ее беда. Это касается не только ее, постарайся понять. Давай я тебя отвезу, мы поговорим дома. Нужно все заказать, подготовить... Пойдем, дорогая. Сергей, возьми, пожалуйста, телефон и ноутбук. Если нужны будут разъяснения, мы с Верой готовы участвовать.

Они ушли. Приятели синхронно закурили. С горьким осадком таких дел никто из них не научился справляться.

– Да, – сказал, наконец, Слава. – Вы, Александр Васильевич, заметили, как этот частник дал понять своему клиенту, что мы тут полное фуфло? С вещдоками не способны работать!

– Нервы ни к черту, – бросил в никуда Сергей.

– Слава, он прав, – примирительно произнес Масленников. – Я взглянул. Там сотни звонков, до тысячи SMS... Ну неужели у тебя есть время и люди, которые будут заниматься детализацией, распечатками... Сергей хочет, пусть делает.

– Да какие проблемы? Я б за деньги и от нечего делать волоски бы пересчитывал на головах приятелей бедной девочки. Был бы толк.

– Толк, разумеется, будет у тебя, – скромно заметил Сергей. – Никто не сомневается.

– Да, у меня. Я расколю этого паренька за три минуты, и он расскажет, что поцеловался с другой девочкой. И это окажется причиной суицида.

– Ну это так это, – подытожил Сергей. – Никто ж не спорит. Я объяснил: возьму на всякий случай. Знаешь, как бывает... Вдруг это такой ходок, садист, психологический вампир, что еще кто-то себе петлю уже мылит.

– За психологический вампиризм не сажают. Его хрен докажешь. У «ходока», как ты выражаешься, весь вампиризм может выражаться в прищуре левого глаза. А жертвы – уже готовы. Для «доведения до самоубийства» нужны конкретные

факты и улики.

– Поэтому ты вампиризмом и не будешь заниматься. А я... Вдруг его обломаю. Мой клиент хочет знать.

– Не вздумай посеять в нем идею самосуда и пиши расписку, что взял вещдоки.

Сергей и Александр Васильевич вышли из управления, покурили, прежде чем разойтись по машинам.

– Сережа, ты понимаешь, что виновным в этой гибели может оказаться как раз твой клиент? Что бы ты ни узнал из разговоров девочки, любая ссора с мальчиком могла возникнуть из-за ее стрессового состояния. Я к тому, чтобы ты ничего не подгонял...

– А я что, тот, кто подгоняет? Я допускаю то, о чем вы говорите, очень сильно допускаю. Есть совпадение по времени... Хотя, не знаю, можно ли говорить о совпадении. Несколько месяцев прошло с тех пор, как Илья оставил семью. Почему это случилось только сейчас?

– Это вообще не вопрос. Она могла с собой бороться. Она могла надеяться, что отчим вернется. Я смотрел сейчас на него, слушал. Как он говорил о дочери, как обращался с бывшей женой. Таких отцов и мужей не забывают через пару месяцев. Он несколько лет воспитывал этих детей. Старшая девочка наверняка видела в нем идеал мужчины, верила в то, что он ее любит. Дети не переносят предательства, вот в чем дело. Я это видел столько раз.

– Трудная семья, честно вам скажу, – пожаловался Сергей. – Они все – не обычные, не средние люди... Так любят, что все предают друг друга и мучаются. Я хочу узнать, почему не захотела жить эта девочка. Сам хочу знать. Мне кажется, Илья примет любую правду.

Ольга вошла в театр, стараясь ничем не выдать свое необычно приподнятое настроение. Она была суеверна, а зависть – это воздух театра. Наверняка ее судьба актрисы складывалась бы успешнее, если бы ей не мстили за тот яркий успех. Она неторопливо шла к общей примерке, здоровалась, смиренно принимала небрежные кивки в ответ. Но не пошла к себе. Решительно направилась к уютному закутку, где находилась примерка ее величества Назаровой. Та всегда прибывала раньше всех. Ольга решительно постучала.

– Чего надо? – раздался скрипучий голос Нины Глебовны. Таким она говорила только с коллегами. На сцене ее голос был глубоким и богато окрашенным.

– Можно? – приоткрыла Ольга дверь. – Я на минутку, вопрос хотела задать. Не помешала?

– Мне никто не может помешать, – ответила Назарова. – Если тебе не мешает то, что я собираюсь снять теплые штаны... Заходи. Понимаешь, поясница. Я ее берегу, как святыню. А внучатая племянница мне говорит: «Тетя, я в шоке от твоих панталонов. Такие, наверное, носили в восемнадцатом веке. Это валенки какие-то или тулупы, а не штаны».

– Если она имеет в виду нижнее белье, то, мне кажется, в восемнадцатом веке его вообще не носили.

– Думаешь? Но она имела в виду то, что я жила в восемнадцатом веке и накупила тогда этих штанов-тулупов. Вот в чем смысл.

– И чем дело кончилось? – уже заинтересованно спросила Ольга.

– Она купила мне термобелье. Бриджи. Смотри, – Назарова подняла юбку и продемонстрировала данный предмет туалета. – Я так смеялась...

– Почему?

– Они меня возбуждают, – небрежно сказала актриса и опустила юбку. – Говори свой вопрос. Я забыла фамилию типа, которого должна пять раз называть по фамилии в первом монологе. Тебе не кажется, что автор пьесы – полный идиот? Ладно, не отвлекайся, а то я не успею прочитать: все ж таки склероз...

- Нина Глебовна, я насчет нашего разговора в буфете, помните?

- Я пошутила насчет склероза. Я все помню.

- Так вот. Почему вы сказали, что муж должен быть тупой? Потому что умные много разговаривают. Бывает ведь и наоборот. Или вы так не считаете?

- Детка, конечно, бывает! Я даже допускаю, что они все разговаривают, именно это меня и не устраивало. Я просто брякнула тогда. Слушай, а что? У тебя кто-то появился? Ты побежала и сразу кого-то подцепила, как я тебя учила?

- Почти. Просто у меня есть человек. Он умный и совсем не разговорчивый. Он, кажется, хочет на мне жениться. Даже квартиру вроде купил...

- Да ты что! Хватай его за язык, за руки, ну и за все остальное и беги, штампуй! Сразу зарегистрируйся в этой квартире. Или что-то не так?

- Он еще женат.

- Вот скотина. Скажи: пусть срочно разводится.

- Я как-то не умею давить.

- Надо научиться. Иначе давить будут тебя. Как блоху. А хочешь, я с ним поговорю?

Ольга посмотрела на лицо примы в демоническом гриме и робко сказала:

- Спасибо. Я лучше сама. Можно, я буду с вами иногда советоваться?

- Ты должна со мной советоваться постоянно, - заявила Назарова сценическим голосом. Она уже была в роли.

Ольга благодарно и радостно кивнула и побежала к себе. Но опять затормозила перед входом в общую гримерку. То, что произошло, было слишком значительным, они сразу поймут, завидующие соседки по зеркалам. Ольга решила

сходить в холл и купить в киоске свежий журнал. Давно не читала пеструю прессу, которая пиарит вовсе не тех, кто этого заслуживает. Она выбрала тонкий журнал с не самой вызывающей обложкой. У Ольги был вкус, который ей пока не пригодился, как и другие достоинства. Это не имело применения. Но сейчас она четко сформулировала для себя: большинство гляцевых журналов агрессивно навязывают каких-то людей, будто товар со скрытым дефектом или истекающим сроком годности. Если у Ольги вдруг все начнет налаживаться, если это коснется и профессии, она будет очень избирательна к предложениям газет и журналов. Она даже на секунду представила себя, строго критикующую материал, принесенный ей на согласование.

– Извините, – раздался рядом незнакомый голос. – Можно с вами поговорить? Совсем недолго.

Ольга в изумлении оглянулась и увидела женщину в черном пальто, с черным шарфом на голове, в больших темных очках.

– Вы мне? Я вас не знаю.

– Я представляюсь. Только давайте отойдем в сторонку.

Ольга, пожав плечами, пошла за дамой в угол, который у них гордо назывался зимним садом. На самом деле это были три пыльные пальмы в кадучках. Как-то мало эта женщина походила на восторженную фанатку.

– Слушаю вас, – сказала Ольга.

– Меня зовут Анна Ивановна. Фамилия – Осипова. Думаю, вы уже поняли, Ольга. Я – жена Виктора.

– Очень приятно, – проговорила Ветрова похолодевшими губами.

– Сомневаюсь, что вам приятно, но что поделаешь. Понимаю, что у вас мало времени, поэтому постараюсь кратко. Виктор сообщил мне, что решил жить с вами. Сказал, что вы – актриса, назвал фамилию, так я вас и нашла. Вопрос такой: давно вы полюбили моего мужа?

– Да... Несколько лет. Мы познакомились на капустнике. Меня пригласили там выступить...

– Понятно. А мы женаты двадцать шесть лет. У нас было двое детей, счастье, несчастье, охлаждение, сближение... Возможно, он кем-то увлекался и раньше, не знаю. Но еще никто этим не пользовался. И только вам пришло в голову воспользоваться нашим горем.

– Я не понимаю... О каком горе вы говорите?

– Вы не в курсе?! Он забыл сообщить любимой женщине, что недавно убили нашу дочь? В которой он, кстати, души не чаял.

– Я не знала. Витя не говорил.

– Ну вот я вам сказала. И объяснила. Не вы ему нужны. Он просто бежит от самого себя. Постарайтесь это понять вовремя. Иначе... Знаете, есть такое понятие: полоса несчастий.

– О чем вы говорите? – в ужасе спросила Ольга.

– Давайте не будем играть в детский сад. Попробуйте сами поразмышлять. Я вот вас поняла. Прочитала биографию в Интернете. Ни мужа, ни карьеры. Но, как говорят, на чужом горе счастье не построишь. Творческих вам удач, Ольга Петровна.

Ольга смотрела полными слез глазами в удаляющуюся прямую спину в черном пальто и чувствовала, как она вся, с головы до ног, наполняется тоскливым вязким туманом, который пока ее спасает от настоящей боли. Слова «Ольга Петровна» клинком застряли в сердце. Ее очень редко называли по отчеству. А с такой ненавистью... Боже! Что произошло? Что делать? Почему Виктор не рассказал о смерти дочери? Значит, он действительно не любит ее, не доверяет ей. Она не знает, что это значит.

– Что с тобой? – раздался над ухом властный голос Назаровой. – Ты похожа на утопленницу.

– Я умираю, Нина Глебовна, – прошептала Ольга. – Это была его жена. Она меня пугала, обижала... Я не могу выйти на сцену!

– Спокойно! Без истерик. На то она и жена, чтобы пугать. Это ее дело, твое – хватать ее мужа. Но, конечно, не в таком виде. Сейчас ты не схватишь даже лягушонка. Иди домой.

– Но как... Худрук меня уволит. Он только повод ищет.

– Не уволит. Я скажу, что ты растянула ногу. И чтобы он шел в задницу. Я всегда ему это говорю. Мне кажется, он при этом ловит кайф. Извращенец. Быстро хромай домой. Напейся там, если сможешь. Поспи, приведи себя в порядок. И – в бой! Завтра тоже не приходи. А послезавтра все мне расскажи подробно! Между нами, эта тетка мне сильно не понравилась. Она способна черт знает на что. Об этом нужно подумать.

Глава 17

Сергей стоял на кладбище чуть в стороне от небольшой группы родственников и друзей, окружавших закрытый гроб. Илья поддерживал под руку Веру. Лиля осталась дома с детьми. Родители Веры, потрясенные, кажется, еще ничего не понявшие... Подруги Люды. Довольно много. Выпускной класс. Все – одного возраста, но кто-то выглядит подростком, кто-то вполне взрослой тетей. Выражение, соответствующее скорбному событию и месту, – далеко не на каждом лице. Сергей посмотрел на плачущих девочек и подумал, что им живется сложнее, чем другим, тем, что сейчас шушукаются и даже хихикают. Причем девицы явно не умнее подростков. Скорее – наоборот. Парни... Среди них никто не плачет, а по выражению их лиц вообще ничего не понять. Наверняка кто-то испуган, подавлен, но они уже умеют это скрывать, чтобы не казаться менее мужчинами, чем те, кому на самом деле просто любопытно.

Тот самый стоит немного особняком между родственниками и одноклассниками. Вадим Медведев. Он уже закончил ту же школу два года назад. Потом компьютерные курсы, работает в офисе интернет-провайдера. Живет в том же районе. Как сказала Вера, он встречался с Людой примерно полгода. Летом вместе загорали на Москва-реке. Началась любовь. Вера сказала, что он

интересный и видный. «Может, и так, – подумал Сергей. – Черт его знает». У него этот парень восхищения не вызывал, мягко говоря. Хотя он высокий, то есть «видный», со светлыми волосами, стрижка сделана в хорошей парикмахерской, то есть мальчик «интересный». Это, наверное, с женской точки зрения. Вера говорит, Люда была влюблена. Он ее первый парень. Мать не знает ничего об их отношениях. Считает, что они просто встречались. Люда была скромница.

Сергей смотрит на его лицо: круглое, немного плоское, взгляд серых глаз растерянный. Что, в общем, естественно в такой ситуации. На него поглядывают все. Сергей уже подслушал какие-то сплетни в ветерке шушуканья: «беременная», «бросил», «другая» и т. д. То есть сверстники считают причиной смерти однозначно его. Но они, скорее всего, не знают, что Илья оставил семью, что Люда очень тяжело это переживала, скрывала от всех, как будто это свидетельствовало о том, что они недостойны любви отца. Она сразу стала называть Илью папой, ненавидела слово «отчим». Но Илья ушел от них больше трех месяцев назад, и все это время она встречалась с Вадимом. У нее появилась своя личная жизнь, в ней что-то происходило: радости, ссоры, примирения. Сгладило все это или нет боль из-за ухода Ильи – как в этом разобраться теперь. Вера в эти месяцы боролась с собой, старалась, чтобы у детей жизнь не очень изменилась, собственные чувства скрывала. Она мало общалась с дочерью, как сама признается. Илья... Он стал приходящим папой, слышал лишь то, что дети ему говорили, видел только свою вину. Он очень проникательный человек, но его мысли и чувства – это Лиля. Как бы он ни старался оставаться отцом этим трем детям. Вообще-то угораздило же его жениться на многодетной вдове. Сергей посмотрел на измученное, скорбное лицо своего клиента и подумал: «Ну не надо было вообще! Знал же, что побредет за Лилей по жизни. Если человеку нужна только одна женщина, незачем делать шаг в сторону. Вот теперь – расплата. И что еще будет... Не дай бог».

Все. На свежем холмике цветы. Только сейчас горько зарыдала Вера, тоненько закричала ее мать: «Ой-ой-ой! Что же это делается...» Одной девочке стало плохо, подбежала учительница, повела ее в контору. Вадим резко повернулся и почти побежал к выходу с кладбища, чтобы всех опередить. Он остановился у проезжей части, собираясь поймать машину.

– Привет, – сказал Сергей. – Я тебя подвезу. Нам по пути.

– Не понял? Вы кто?

- Меня зовут Сергей Кольцов, я частный детектив. Занимаюсь гибелью Люды по просьбе ее отца. Ищем причину.

- Она же повесилась! - Вадим уставился на Сергея изумленно. - Или нет?

- Да. Самоубийство. Но должна же быть причина, правда?

- А что, есть разница? Если она сама...

- Конечно, есть. Дело не закрыто, пока не выяснена причина.

- И чего с ней делать будут, с этой причиной, я не понял?

- Смотря какая причина. Статья есть «доведение до самоубийства».

- Ничего себе! Вы чего? Вы мне что-то шьете?

- Да нет же. Что ты такой нервный? В каждом деле есть свидетели. В этом, пожалуй, главный - ты. Свидетель! Ты меня слышишь? Просто свидетель! Давай спокойно подъедем к следователю, ответишь на его вопросы, и будем думать дальше. Ты не против?

- А если против?

- Тебе пришлют повестку, Вадим. Пошли в мою машину, а то уже идут люди с похорон. Ты вроде хотел от них побыстрее уехать.

- Да пошли, - буркнул Вадим.

Они сели в машину, Сергей быстро рванул с места и через несколько минут взглянул на своего пассажира. Он, конечно, в ужасном смятении. На лбу появились глубокие морщины, тонкие, длинные пальцы на коленях беспокойно двигаются. Как будто набирают текст на клавиатуре. Компьютерщик.

- А что ты сам думаешь? - спокойно спросил Сергей. - Почему Люда так поступила?

– Откуда я знаю! – выкрикнул Вадим. – Я и следаку вашему так скажу: я не знаю!

Глава 18

Лиля закрылась в ванной, включила воду, опустилась на резиновый коврик и заплакала. Слезы обжигали нежную кожу на щеках, такими горячими, безнадежными и злыми они были. Она больше не может! Эти дети ее ненавидят. Чужие дети, для которых она – главный враг. Они отнимают у нее время, которое ей необходимо, чтобы отдохнуть, чтобы обо всем подумать, подготовиться к работе. Она попросила у Игоря сегодня день, завтра должна быть в форме. Она собирает себя по кусочкам уже столько времени. Мама взяла дочку Вику, пытаясь ей помочь. А Илья... Конечно, он не виноват, что случилось такое несчастье. Но нужно было придумать другой выход, есть же какие-то родственники, няню можно нанять, в конце концов. В общем, не такой вариант: принудительное соединение обломков разных жизней. Не только Лиля обломок прежней жизни, но и эти дети. Просто она способна в силу опыта это оценить, а они, кроме протеста, ничего сейчас не чувствуют.

Странно: Илья – очень умный человек, почему же он этого не понимает? А если ответ такой: он понимает, но сознательно ее эксплуатирует. Сначала пришел спасать: бери мою жизнь, я твой. Потом погрузил в проблемы собственной жизни. А ей нужна своя! Да, она сейчас как будто тоскует по тому страшному времени, когда тонула в пучине без НЕГО! Без Андрея. Ей по-прежнему требуется хотя бы возможность тосковать по нему. Думать: а вдруг он вернется? Илья сознательно вытесняет из ее сознания такую возможность. Его преданность – она тираническая, деспотическая, другой преданность не бывает. Он не хочет, чтобы она дышала без него, как она не хотела дышать без Андрея. Но она готова по-прежнему бороться за свой выбор. Ее муж – Илья, но ее душа в плену у Андрея. Он не умер, раз она не может успокоиться. Так рвется сердце, а в голове каша.

Лиля поднялась, долго умывалась холодной водой. Результат был ужасный. Глаза опухшие, нос красный, щеки горят. А там дети, наверное, съели обед и ждут сладкого. Она купила им пирожные тирамису и вишневый компот. То, что сама любит. У детей горе, она хотела им его подсластить. А потом вдруг встретила взгляд Толика, – непримиримый, жестокий, как ей показалось, и вся

ее решимость ушла и силы растаяли. Как объяснить детям, что она им очень сочувствует, но сама еще не совсем в порядке. С какой стати они будут принимать ее объяснения.

Лиля глубоко вздохнула и направилась в кухню. Две пары глаз внимательно и тревожно уставились на нее. У Толика глаза темно-карие в черных длинных ресницах, у Кати – светло-карие, почти рыжие, и реснички светлые...

– Сейчас будет компот и пирожные, – постаралась улыбнуться Лиля распухшими от плача губами. – Вкусные, вот увидите...

Толик встал из-за стола и подошел к ней.

– Спасибо, тетя Лиля. Только мы, наверное, лучше пойдем погуляем. Пока за нами мама не придет. Правда, Катя?

– Неправда! – вдруг заревела Катя. – Ты плохой. Ты обидел Лилю. Я подслушала: она плакала в ванной. Ты и меня напугал. Ты сказал, что Люда умерла и ее сейчас в могилку зарывают. Это неправда все! Ты злой!

– Боже мой, – в отчаянии произнесла Лиля. – Дети, что же нам делать? Мы ни с чем не справляемся. Я хотела, чтоб вам стало немного уютнее. Потому что, Катенька, Толик сказал правду. Люды больше нет на земле. Но она где-то рядом с тобой будет всю жизнь. Ну, как ангел, понимаешь?

Катя замерла с открытым ртом, пытаясь осмыслить то, что услышала. А Толя резко отвернулся и пошел к окну. Лиля обеспокоенно посмотрела на его напряженную тонкую шею, круглый детский затылок, уловила тяжелый взрослый вздох. Для нее это было как удар: он страдает! А она только что убивалась лишь о себе. Она встала рядом с ним.

– Мне легче понять Катю, она маленькая, – сказала она. – Ее можно прочитать, как книгу. С тобой все иначе. У тебя свое мнение обо всем. Свое отношение. Ко мне, например. Я его не могу изменить.

Он посмотрел на нее влажными глазами.

- Вы не поняли, тетя Лиля. Я не знал, как поблагодарить вас за то, что вы тут с нами... Я не умею. А вы убежали плакать. Я ж ничего такого...

- Говори мне «ты», как Катя. И называй Лилей, пожалуйста. Не люблю я быть тетей.

Когда Илья открыл дверь своим ключом и вошел в кухню, он увидел такую сцену: Катя висела на шее у Лили, Толик деловито раскладывал вишни в чашки для компота. У всех были красные глаза и носы.

- Обедаете? - спросил он.

- Да, - ответили все трое и посмотрели на него испуганно. Он ведь вернулся ОТТУДА.

- А где Вера? - спросила Лиля.

- Она с родителями поехала домой. Придут еще знакомые на поминки. Я заехал за детьми.

- Илюша, - сказала Лиля. - Может, пусть останутся здесь? Это не для них мероприятие, честное слово. Дети, вы хотите остаться?

Они не ответили, только благодарно выдохнули. Им было страшно ехать на эти непонятные поминки, где не будет Люды.

- Хорошо, - сказал Илья. - Я скоро вернусь.

Когда он вернулся, дети спали в комнате Вики - Катя на кровати, Толик на диване. Лиля сидела в кресле и смотрела на них.

- Знаешь, - сказала она. - Я как будто спряталась за них от всего. Мне кажется, им тоже было хорошо. Они больше не плакали.

Илья молча поцеловал ее ладошку.

– Пойду смою с себя сегодняшний день. Все прошло... Прошло. Людочку похоронили. Сергей повез ее парня к следователю.

– Его подозревают в чем-то?

– Больше некого. Кроме меня, конечно. Завтра что-нибудь узнаю. Но я должен сам посмотреть ему в глаза. Я все пойму.

Глава 19

Сергей позвонил им рано утром, когда оба еще были дома.

– Привет, – сказал он Илье. – Я недалеко, могу зайти, если у вас с Лилей время есть.

– Заходи.

Илья открыл Сергею дверь, провел на кухню, где Лиля заваривала кофе и готовила тосты. Она посмотрела на Кольцова тревожно. Если речь пойдет о парне, с которым встречалась Люда, то ее присутствие вроде бы необязательно. Но ведь Илья поручил Сергею по возможности искать информацию об Андрее...

Сергей с аппетитом проглотил первый тост, выпил чашку горячего кофе, дал Лиле согласие на вторую.

– Ребята, я не издеваюсь, – объяснил он. – Реально жрать хочется. Еще и поэтому решил вас дома прихватить. Решил, эти точно покормят. Не помню, говорил я вам уже, что я одинокий степной волк?.. Должен был сказать, это у меня припев такой с каждым клиентом.

– Не говорил, – невозмутимо отреагировал Илья, – но я и так что-то такое уловил. Поэтому ты ешь, не ограничивай себя. Лилия любит, чтобы волки были сыты.

– Спасибо. Я продолжу. И начну понемногу говорить. В общем, состоялась ознакомительная беседа с Вадимом Медведевым, девятнадцати лет, он полгода встречался с Людмилой. Познакомились они летом на пляже в Москве. Жили в одном районе. Как вы знаете, все последние звонки в ее телефоне в основном – от него или ему. Повел он себя естественно для его положения – то есть чего-то боялся и тупо молчал. Не исключено, что ему действительно нечего рассказать. Он и за пределами кабинета Земцова убеждал меня в том, что понятия не имеет, из-за чего Люда на него обижалась в последнее время. Может, она и не обижалась, но по какой-то причине не отвечала на его звонки три дня. Илья, а когда она сказала тебе, что вроде у нее есть проблема, но это не точно?

– Мне нужно посмотреть по ежедневнику, когда я возил ее к стоматологу. Столько потом всего навалилось... Я даже забыл об этих ее словах. Кажется, через два дня Лилю вызвали по поводу гибели Валерии Осиповой. Я очень виноват перед Людочкой. Я должен был приехать, выяснить... Но этот парень может что-то знать. Она была очень искренней. Если она не могла поделиться со мной или Верой, то она что-то наверняка говорила ему.

– Понимаешь, он сейчас думает только о себе. Как бы чего не вышло. Как бы его в чем-то не обвинили. Его придется припереть к стенке, даже если он по сути и не виноват. Я послушал на кладбище, о чем шушукались ее одноклассницы. Сплетни такие: она была беременной, он ее бросил, у него другая, ну, обычный набор. По результатам экспертизы, как вы знаете, беременной она не была. Он сказал, что был ее первым мужчиной. Насчет «бросил», «другая» – это он отрицает. Ну, это проверим легко. Но звонил он ей действительно вплоть до последних часов ее жизни...

– А как он вам показался вообще? Как следователям? – нервно спросил Илья. – Ну, вы же опытные люди, должны чувствовать, есть его вина или нет...

– Илья, – негромко заметила Лиля. – В такой ситуации вину чувствуют все, ты же понимаешь. Но это может быть совсем не та вина, о которой говорят следователи...

– Да! Ты молодец! – воскликнул Илья. – Я вот о чем сейчас подумал, Сережа. Людочка была очень принципиальной и ревливой. Этот парень мог просто похвастаться своим успехом у женщин, чего-то наболтать. А она такие вещи воспринимала достаточно драматично. Она встречалась в школе с одним мальчиком, потом увидела, что он несет портфель другой девочки, и резко

поставила точку. Это случилось в седьмом классе. Причем она даже заболела тогда. Поднялась температура, два дня лежала дома... Вере не рассказала, только мне.

- Нет, - сказала Лиля. - Из-за пустой болтовни или ревности можно слечь с высокой температурой, но так страшно убить себя... Нет. Это исключено, я уверена.

Илья и Сергей внимательно посмотрели на нее. Она могла быть экспертом по женской любви, боли, жизни и смерти. Им с ней в этом равняться не приходится.

- Распечатки их разговоров я постараюсь получить. Есть вероятность, что Вадим что-то скрывает. Как и то, что он чего-то не понял, недооценил, - сказал Сергей. - Поводы для ревности тоже проверим для полноты картины.

- Сережа, ты все время говоришь про распечатки разговоров. Это действительно так просто? - спросил Илья.

- Это реально. Операторы сотовой связи обязаны сотрудничать со следствием. В принципе нужен запрос официального следователя. Но у меня - свои связи. Сам не так давно был следователем на госслужбе. Вообще я просто заехал с первичной информацией. Будем с ней работать. У вас есть еще немного времени?

- Совсем немного, извини, - сказал Илья. - Мне детей сегодня нужно отвезти в сад и школу. Лилия сейчас пойдет их будить. А ты пока говори.

- Я хотел бы, чтобы Лилия еще на минутку задержалась. Я просматриваю материалы об Андрее... - Лилия вздрогнула и застыла. - Ничего пока нет конкретного. Просто личность очень яркая. Бурная биография. Множество знакомых в разных странах. Вроде бы должен где-то проявиться, если допустить, что он жив и скрывается. Но для этого нужна сеть агентов и все такое... Мы же в розыск его не объявляем, я что - кустарь-одиночка...

- Ты к чему это? - не выдержал Илья.

– Расслабься, пожалуйста. Я один вопрос хочу Лиле задать. Есть такой невинный прием. Деза называется. Ложная информация, которая широко распространяется. Мол, что-то случилось с вами или дочерью, нужна помощь... Вы меня поняли?

– Это безумие, – резко сказал Илья. – Мы никогда на такое не пойдем – сообщать в idiotских социальных сетях, что Лиля или Вика больны, умирают и прочий бред. Исключено!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/ispit-chashu-do-dna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)